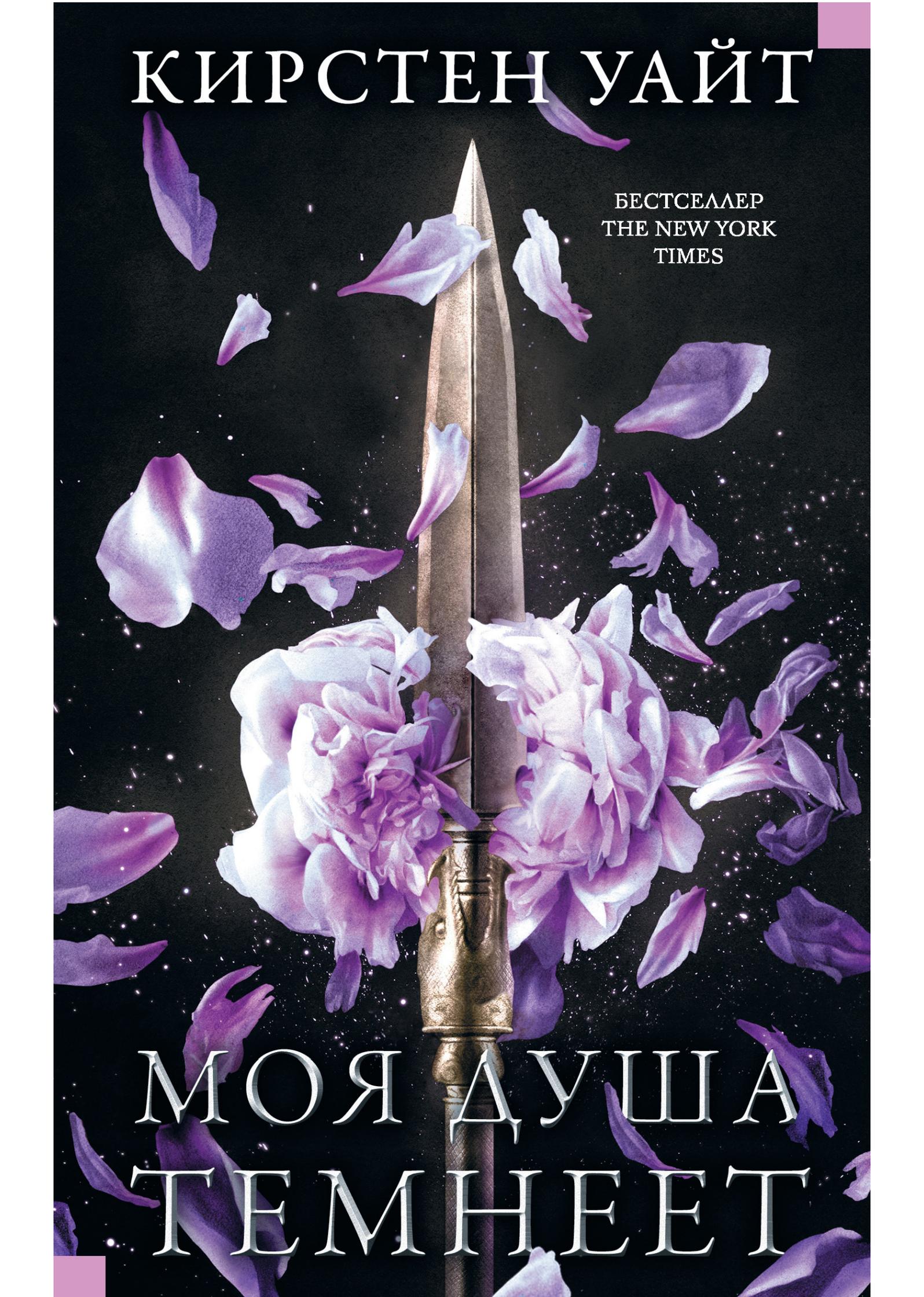

КИРСТЕН УАЙТ

БЕСТСЕЛЛЕР
THE NEW YORK
TIMES

МОЯ ДУША ТЕМНЕЕТ

#YoungFantasy

Кирстен Уайт

Моя душа темнеет

«АСТ»

2016

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уайт К.

Моя душа темнеет / К. Уайт — «АСТ», 2016 — (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-110957-8

Брат и сестра Раду и Лада растут вдали от родного дома, в плену властителей Османской империи. Они – пешки в чужой игре, заложники, которыми легко шантажировать. Меч занесен над их головами и рано или поздно будет опущен... Ладе не быть нежной принцессой. Чтобы выжить и защитить младшего брата, ей нужно действовать быстро и беспощадно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-110957-8

© Уайт К., 2016

© АСТ, 2016

Содержание

1	9
2	10
3	11
4	15
5	19
6	23
7	26
8	32
9	35
10	38
11	43
12	49
13	53
14	59
15	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кирстен Уайт

Моя душа темнеет

Kiersten White
AND I DARKEN

This edition is published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Эта книга – вымысел. Все события, диалоги и персонажи, представленные в романе, за исключением нескольких известных исторических фигур, являются плодом авторской фантазии. В сценах с участием исторических личностей диалоги также являются придуманными и не отражают реальных событий.

Использование этих образов не делает повествование менее вымышленным. Во всех прочих случаях любые совпадения с реально живущими или жившими людьми, фактами их биографии или местами проживания являются совершенной случайностью.

Text copyright © 2016 by Kiersten Brazier
Jacket art copyright © 2016 by Sam Weber
© Ю. Капустюк, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

КРИСТЕН УАЙТ – автор фантастических романов, триллеров и книг о паранормальных явлениях. Его произведения не раз становились бестселлерами и выдвигались на различные литературные премии. «Моя душа темнеет», первая часть эпической саги, мгновенно завоевала сердца читателей и попала в топ-лист престижного рейтинга Goodreads Choice Award в категории «историческое фэнтези».

*Посвящается Ною
Te iubesc¹*

¹ Я тебя люблю (рум.). – Прим. пер.

1

1435 год. Сигишоара, Трансильвания

Тяжелые брови Влада Дракулы сдвинулись, предвещая бурю, когда врач сообщил, что его жена произвела на свет девочку. Его предыдущие дети – один, теперь уже совсем взрослый, от первой жены, и даже родившийся в прошлом году внебрачный ребенок от любовницы, – были мальчиками. Он и не думал, что его семя настолько ослабло, что способно сотворить девочку.

Он толкнул дверь и вошел в крошечную, тесную и душную спальню. Там пахло кровью и страхом, и он с отвращением поморщился.

Их дом в цитадели Сигишоары, стоявший на тесной площади у главных ворот, возле переулка, провонявшего человеческими испражнениями, был весьма далек от того, чего он заслуживал. Наличие прислуги в количестве десяти человек было скорее данью традиции, говорящей о его статусе. Он был военным губернатором Трансильвании, но ему полагалось стать правителем всей Валахии.

Может быть, поэтому он оказался проклят девчонкой. Еще одно оскорбление его чести. Он состоял в Ордене Дракона, одобренном самим папой римским. Он должен был быть воеводой, князем-главнокомандующим, но престол занимал его брат, а сам он управлял саксами, незаконно осевшими на его земле.

Скоро он продемонстрирует ему свою честь на острие сабли.

Василиса лежала в постели, мокрая от пота, и надрывно стонала. Несомненно, слабое семя, укоренившееся в ее утробе, происходило от нее. При виде жены его желудок скрутило. В этот момент ничто – ни манеры, ни внешний вид – не выдавали в ней княгиню.

Няня держала на руках маленького краснолицего монстра. Он громко вопил. Имени для девочки у Влада не было. Василиса наверняка выбрала бы имя, прославляющее ее род, но Влад ненавидел членов молдавской королевской семьи, из которой она происходила, ведь родство с ними не дало ему никакого политического преимущества. Он уже назвал своего внебрачного сына в честь себя, Владом. И дочку назовет так же.

– Ладислава, – объявил он. Это была женская форма имени Влад. Уменьшительная. Ослабленная. Если Василисе хотелось дать ребенку сильное имя, ей стоило родить ему сына. – Давайте помолимся о том, чтобы она выросла красавицей, и мы бы извлекли из нее хоть какую-то пользу, – сказал он. Ребенок завопил еще громче.

Королевские груди Василисы представляли собой слишком большую ценность, чтобы из них сосали молоко. Подождав, пока Влад уйдет, кормилица приложила новорожденную к своим простым титькам. После собственного ребенка, мальчика, у нее оставалось много молока. Малышка присосалась с неожиданной яростью, и няня придумала для нее собственную молитву. *Пусть она вырастет сильной. Пусть вырастет ловкой.* Она взглянула на княгиню – пятнадцатилетняя, нежная и хрупкая, как подснежник, та лежала на кровати увядшая и сломленная.

А она пусть будет безобразной.

2

Влад не нашел времени на то, чтобы присутствовать при рождении своего второго ребенка от Василисы. Мальчик родился через год после своей сестры, будто торопясь прийти за ней в этот мир.

Няня обмыла новорожденного и протянула его матери. Он был крошечный, безупречный, с губками, похожими на бутон розы, и копной темных волос. Василиса лежала в постели, неподвижная, с остекленевшим взглядом. Ее глаза были устремлены в стену, и она даже не повернулась к сыну. Маленькая Лада теребила няню за юбку, насупившись и требуя внимания. Няня поднесла малыша к сестренке.

– Братик, – мягко сказала она.

Мальш заплакал, слабый и сдавленный звук его голоса встревожил няню. Лада нахмурилась еще больше. Пухлой ручкой она прикрыла ему рот. Няня быстро отдернула новорожденного, и Лада подняла глаза вверх. Ее лицо исказила ярость.

– Мой! – крикнула она.

Это было ее первое слово.

Пораженная няня рассмеялась и опустила малыша еще раз. Лада внимательно смотрела на него до тех пор, пока он не перестал плакать. Потом, довольная, протопала прочь из комнаты.

3

Если бы Василиса видела, что ее дочь возится на полу с собаками и сыном няни, Богданом, няня потеряла бы работу. Однако с тех пор, как четыре года назад родился Раду, Василиса ни разу не выходила из своих покоев.

Раду досталась вся красота, которую их отец желал бы для дочери. У него были густые ресницы, пухлые губы и мягкие кудри оттенка саксонского золота.

Богдан закричал, когда Лада (Ладислава, которой уже исполнилось пять лет и которая отказывалась отзывать на свое полное имя) укусила его за бедро. Он ударил ее кулаком. Она ударила его еще сильнее, и он позвал на помощь.

– Если даже ей вздумается съесть твою ногу, ей это позволено, – сказала няня. – Прекрати кричать, иначе я отдам ей и твой ужин.

Как и у брата, у Лады были большие, но близко посаженные глаза, а густые сросшиеся брови придавали ее лицу недовольный вид. Вечно спутанные волосы были такими темными, что по сравнению с ними кожа казалась болезненно бледной. У нее был крючковатый длинный нос, тонкие губы, мелкие и – если судить по возмущенным крикам Богдана – очень острые зубы.

Она росла непокорным, жестоким и самым подлым ребенком, о котором няне когда-либо приходилось заботиться. А еще она была няниной любимицей. По всем правилам девочке полагалось быть послушной, тихой, пугливой и жеманной. Ее отец был обессиленным тираном, жестоким в своей немощи, и его по несколько месяцев кряду не бывало дома. Ее мать, хоть и жила с ними, тоже отсутствовала – погруженная в себя, забытая в собственном доме, никак не способная себе помочь. Родители Лады являлись яркими представителями целого региона – особенно родной земли няни, Валахии.

Но в Ладе она заметила искру, страстный, яростный огонек, который было не спрятать и не потушить. Вместо того чтоб искоренять это пламя ради уготованного Ладе будущего, няня, напротив, только раздувала его. Это дарило ей странное ощущение надежды.

Если Лада была колючим сорняком, пробившимся посреди пересохшего и потрескавшегося русла реки, то Раду был нежной, благоухающей розой, способной расти лишь в идеальных условиях и увядающей в любых других. Вот и сейчас он кричал из-за того, что няня замешкалась и не успела вовремя сунуть ему в рот ложку с жидкой кашей, подслащенной медом.

– Сделай так, чтобы он замолчал! – Лада взобралась на самую крупную гончую отца, которая с возрастом стала седой и терпеливой.

– И как же мне это сделать?

– Задуши его!

– Лада! Прикуси язык. Это твой брат.

– Он – червяк. Мой брат – Богдан.

Няня нахмурилась и вытерла лицо Раду передником.

– Богдан не твой брат. *Я скорее лягу с собаками, чем с твоим отцом*, подумала она.

– Он мой брат! Ты мой брат. Скажи, что ты мой брат. – Лада запрыгнула Богдану на спину. Хотя он был на два года старше и гораздо выше, она прижала его к земле, воткнув локти промеж лопаток.

– Да, да! Я твой брат! – запричитал он, то ли хихикая, то ли хныча.

– Выброси Раду вместе с помоями!

Вопли Раду усилились, предвещая истерику. Няня закудаhtала, зацокала языком и взяла его на руки, хотя он для этого был уже слишком большим. Он засунул ручонку под ее кофту и ущипнул кожу, рыхлую и морщинистую, как старое яблоко. Иногда ей тоже хотелось, чтобы он поскорее замолчал, но когда он говорил, это всегда получалось у него так мило, что заставляло

забыть обо всех его скандалах. Он даже пах очень сладко, как будто мед прилипал к его губам и пропитывал их своим ароматом.

– Будь хорошим мальчиком, – сказала няня, – и тогда поедешь кататься на санках с Ладой и Богданом. Хочешь?

Раду покачал головой. Его нижняя губа задрожала, предвещая новую волну слез.

– Или мы сходим к лошадам.

Он медленно кивнул, и няня облегченно вздохнула. Она осмотрелась и заметила, что Лады нет.

– Куда она подевалась?

Глаза Богдана округлились от страха. Он уже не знал, чьего гнева боится больше – своей матери или маленькой Лады.

Встревожившись, няня перенесла Раду на бедро. Его ножки болтались и с каждым няниным шагом бились о ее ноги. Она прошла по коридору к узкой лестнице, ведущей к спальням.

– Лада, если ты разбудишь маму, будет...

Она остановилась и прислушалась. Ее лицо, вслед за лицом Богдана, исказилось от ужаса. Из гостиной в передней части дома доносились голоса. Низкие. Мужские. Они говорили на турецком, на языке османского народа, так часто становившегося их врагом.

Значит, Влад был дома, а Лада...

Няня побежала по коридору, ворвалась в гостиную и обнаружила там Ладу, стоящую в центре комнаты.

– Я убиваю неверных! – рычала девочка, размахивая маленьким кухонным ножом.

– Правда? – Влад обратился к ней на языке саксов, языке, наиболее распространенном в Сигишоаре. Саксонский язык няни был очень примитивен, а Василиса, бегло говорившая на нескольких языках, со своими детьми не общалась. Лада и Раду говорили только на валашском.

Лада не поняла вопроса и замахнулась на Влада ножом. Влад поднял бровь. На нем был дорогой плащ, на голове – замысловатая шапка. Лада не видела отца почти год. Она его не узнала.

– Лада! – прошептала няня. – Иди скорее сюда!

Лада уверенно стояла на упругих ножках, вытянувшись во весь свой маленький рост.

– Это мой дом! Я – Орден Дракона! Я убиваю чужаков!

Один из трех мужчин, сопровождавших Влада, пробормотал что-то по-турецки. Няня почувствовала, как на ее лице, шее и спине выступил пот. Неужели они убьют ребенка за то, что он им угрожает? Неужели ее отец это допустит? Или они убьют ее саму за то, что она не в состоянии уследить за Ладой?

В ответ на выходку дочери Влад снисходительно улыбнулся и поклонился трем мужчинам. Они кивнули и вышли из гостиной, не глядя ни на няню, ни на ее непослушную подопечную.

– Скольких чужаков ты убила? – голос Влада, на этот раз в мелодично-романтической тональности валашского, прозвучал плавно и холодно.

– Сотни. – Лада указала ножом на Раду, который спрятал лицо, прижавшись к нянинному плечу. – А этого я убила сегодня утром.

– А теперь убьешь меня?

Лада замешкалась и чуть опустила руку. Она смотрела на своего отца, и узнавание проступало на ее лице, как капли молока, падающие в чистую воду. Быстрым, змеиным движением Влад выхватил нож из ее ладони, схватил ее за лодыжку и поднял в воздух.

– А теперь, – сказал он, держа ее вниз головой, – как ты думаешь, сможешь ли ты убить того, кто больше, сильнее и умнее тебя?

– Ты сжульничал! – глаза Лады сверкнули так, что няня окостенела от ужаса. Этот взгляд предвещал войну, разрушение или огонь. Чаще всего все сразу.

– Я выиграл. И это главное.

Вскрикнув, Лада выкрутилась и ударила отца по руке.

– Клянусь Богом! – Он уронил ее на пол. Она скрутилась в шар, откатилась подальше от него, присела на корточки и, взглянув на него, оскалилась. Няня съезжилась, ожидая, что Влад разгневется и побьет Ладу. Или побьет ее за то, что ей не удалось воспитать его дочь смиренной и покорной.

Но вместо этого он рассмеялся:

– Моя дочь – дикарка.

– Мне так жаль, мой господин. – Няня опустила голову, подавая Ладе отчаянные знаки. – Она переволновалась, увидев вас впервые после столь долгой разлуки.

– Что с их образованием? Она не говорит по-саксонски.

– Нет, мой господин. – Это было правдой лишь отчасти. Лада подхватила саксонские ругательства и частенько выкрикивала их из окна людям на оживленной площади. – Она немного знает венгерский. Но здесь некому заниматься их образованием.

Он цокнул языком, его умные глаза стали задумчивыми.

– А этот каков? Тоже свиреп? – Влад наклонился туда, откуда, наконец, выглянул Раду.

Раду тотчас же залился слезами, снова уткнулся в нянино плечо и сунул руку под ее чепец, стремясь зарыться в ее волосы.

Губы Влада скривились от отвращения.

– Этот весь в мать. Василиса! – позвал он так громко, что Раду от ужаса замолчал и теперь только икал и сопел. Няня не знала, оставаться ей или уходить, но ее еще никто не отпускал. Лада не обращала на нее внимания и продолжала настороженно следить за отцом.

– Василиса! – снова прорычал Влад. Он протянул руку, намереваясь схватить Ладу, но на этот раз она была готова. Она резко отскочила и забралась под полированный стол. Влад постучал по нему костяшками. – Отлично. Василиса!

Его жена, спотыкаясь, вошла в комнату – с распущенными волосами, в одном халате. Она похудела. Скулы выпирали под потухшими пустыми глазами. Рождение Лады едва не убило ее, а Раду выкачал из нее всю жизнь, которая еще в ней теплилась. Она уныло осмотрелась: залитый слезами Раду, Лада под столом, и ее муж, наконец-то вернувшийся домой.

– Да? – спросила она.

– Так ты встречаешь своего мужа? Правителя Валахии? *Князя?* – он торжественно улыбнулся, отчего его длинные усы приподнялись и обнажили губы.

Василиса напряглась.

– Они сделали тебя князем? А как же Александру?

– Мой брат мертв.

Няня подумала, что Влад совсем не похож на человека в трауре.

Взглянув, наконец, на свою дочь, Василиса позвала ее:

– Ладислава, вылезай оттуда. Твой папа вернулся.

Лада не пошевелилась.

– Он не мой отец.

– Достань ее оттуда, – шикнула Василиса на няню.

– Ты что, не можешь справиться с собственным ребенком? – голос Влада был чистым, как голубое небо в морозных глубинах зимы. Зубастое солнце, как они называли такие дни.

Няня еще больше сжалась и повернулась так, чтобы скрыть Раду от взгляда Влада. Василиса отчаянно озиралась по сторонам, но выхода из комнаты не было.

– Я хочу домой, – прошептала она. – В Молдавию. Пожалуйста, отпусти меня.

– Умоляй.

Изможденное тело Василисы содрогнулось. Она встала на колени, склонила голову и взяла ладонь Влада.

– Пожалуйста, пожалуйста. Умоляю тебя. Отпусти меня домой.

Свободной рукой Влад погладил длинные засаленные волосы Василисы. Потом схватил их, наклонив ее голову набок. Она закричала, но он тянул все сильнее и заставил ее встать. Приблизив рот к самому ее уху, он произнес:

– Ты – самое слабое существо, которое я когда-либо встречал. Ползи обратно в свою нору, спрячься там. Ползи! – Он швырнул ее вниз, и она, рыдая, выползла из комнаты.

Няня устала на искусно вытканый ковер, покрывавший каменный пол. Она ничего не сказала. Ничего не сделала. Она молилась о том, чтобы Раду молчал.

– Ты, – Влад указал на Ладу. – Вылезай. Сейчас же.

Девочка вылезла из-под стола, продолжая смотреть на дверь, за которой только что скрылась Василиса.

– Я – твой отец. Но эта женщина не твоя мать. Твоя мать – Валахия. Твоя мать – та самая земля, на которую мы сейчас отправляемся, земля, князем которой я являюсь. Понимаешь?

Лада посмотрела в глаза отца, глубоко посаженные, выкованные годами коварства и жестокости. Она кивнула и протянула руку.

– Дочь Валахии хочет получить обратно свой нож.

Влад улыбнулся и отдал ей нож.

4

1446 год, Тырговиште, Валахия

Раду ощутил во рту вкус крови. Она смешалась с солеными слезами, стекавшими по его щекам.

Андрей и Арон Данешти избили его. Снова. Сапогами в живот. Раду откатился набок и свернулся в клубок, стремясь сделаться как можно меньше. Сухие листья и камешки, покрывающие лесную землю, царапали щеки. Здесь его никто не услышит.

Он привык, что его не слышат. Никто не слышал его в замке, в котором, спустя шесть лет, он по-прежнему чувствовал себя как дома лишь в своей комнате, с няней. Его учителя были вовлечены в постоянное противостояние с Ладой, и образцовое поведение Раду часто оставалось незамеченным. Лада или все время была на занятиях, или уходила с Богданом, и у нее никогда не было на него времени. Из-за их старшего сводного брата, Мирчи, Раду приходилось искать потайные места, прятаясь от его грубых насмешек и еще более грубых кулаков. А его отец, князь, неделями не замечал его присутствия.

Давление нарастало стремительно, и Раду уже не знал, чего он боится больше – что отец больше никогда не обратит на него внимания или что все-таки обратит.

Он знал, что безопаснее оставаться незамеченным.

К сожалению, сегодня ему это не удалось. Арон Данешти рассмеялся, и его смех отзывался сильнее, чем его сапоги.

– Ты визжишь, как поросенок. Сделай-ка так еще!

– Прошу! – Раду прикрыл голову руками, когда Арон ударил его по щеке. – Прекрати, прекрати.

– Мы здесь для того, чтобы стать сильнее, – сказал Андрей. – А нет никого слабее тебя.

Раз в месяц все мальчишки в возрасте от семи до двенадцати лет из боярских семей (словом *бояре* обозначалась знать, и Лада всегда произносила его, насмешливо скривив губы) уходили далеко в лес. Это была традиция, над которой большинство взрослых снисходительно посмеивались. Они называли это игрой. Тем не менее, все они, напряженно прищурившись, следили за тем, чей сын выйдет первым, делая вид, что он тут просто гуляет, а не устал и испугался, как обычный мальчик.

Представители рода Данешти, которые последние пятнадцать лет обменивались правом на трон с династией Басарабов, особенно интересовались тем, как справятся Арон и Андрей, оба на год старше Раду. Захватчиков Дракулешти они не любили.

Раду, сын князя из династии Дракулешти, был самым маленьким мальчиком и самой главной мишенью. Он никогда не побеждал. И сегодня впервые задумался о том, сможет ли вообще вернуться. От страха у него перехватило дыхание, воздух выходил резкими короткими рывками.

Андрей схватил Раду, впился пальцами в его руку и заставил встать. Он произнес ему прямо в ухо, обжигая его своим горячим дыханием:

– Моя мама говорит, что твой отец хотел бы, чтобы ты не родился. Ты тоже этого хочешь?

Арон ударил его в живот, и Раду задохнулся от боли.

– Скажи это, – радостно приказал Андрей. – Скажи, что ты хотел бы никогда не родиться.

Раду зажмурился.

– Я хотел бы никогда не родиться.

Арон ударил его.

– Я же сказал! – вскричал Раду, закашлявшись и отчаянно глотая воздух.

– Знаю, – сказал Андрей. – Ударь его еще.

– Мой отец...

– Что твой отец? Что он сделает? Напишет султану и попросит у него разрешения нас наказать? Попросит мою семью пожертвовать в казну, чтобы он, наконец, смог позволить себе купить плетку, и отхлестал нас? Твой отец – *никто*. Как и ты.

Раду сжался перед новым ударом, но крик Арона заставил его открыть глаза. Арон топтался по кругу, отчаянно пытаясь отбиться от Лады. Ее здесь не должно было быть, но почему-то ее присутствие никого не удивило. Она запрыгнула мальчишке на спину, обхватила его руками и прижала его руки к бокам. За спутанной гривой сестры Раду не видел ее лица, но затем Арон повернулся боком, и Раду заметил, что Лада впилась зубами в его плечо.

Андрей оттолкнул Раду и бросился выручать двоюродного брата. Лада отпустила Арона, прыгнув с его спины и присев. Она прищурилась. Андрею было одиннадцать, как и Ладе, но он был выше. Арон, спотыкаясь, подошел к дереву и прижался к нему, всхлипывая и потирая плечо.

Лада улыбнулась Андрею, обнажив перепачканные кровью зубы.

– Ты дьяволица... я...

Лада выпрямилась и наотмашь ударила Андрея по носу. Он вскрикнул, упал на колени и захныкал. Лада подошла к нему и ударила в бок, опрокинув на спину. Он смотрел на нее снизу вверх и давился струящейся из носа кровью. Она поставила ногу на его горло и надавила так, что его глаза выпучились в паническом ужасе.

– Убирайся из моего леса, – прорычала она.

Она убрала ногу и наблюдала исподлобья, как Андрей и Арон, поддерживая друг друга, побежали прочь. Всю их браваду как ветром сдуло.

Раду утерся рукавом, размазав по лицу кровь и грязь, и посмотрел на Ладу, она стояла в луче света, просачивающегося сквозь брешь в густых ветвях. Впервые в жизни он был благодарен за ее жестокий характер, за странное, инстинктивное умение наносить вред другому наименьшими усилиями. Он так устал и был так напуган, а она его спасла.

– Спасибо, – он направился к ней, пошатываясь и раскрыв объятия. Когда ему было больно, няня прижимала его к себе, ограждая от внешнего мира. Он хотел – и нуждался – в этом сейчас.

Лада ударила его в живот. От боли он согнулся вдвое и упал на колени. Она присела рядом и схватила его за уши.

– Не благодари меня. Я лишь научила их бояться меня. Как это помогло тебе? В следующий раз ты ударишь первым, ты ударишь сильнее, ты покажешь, что твое имя означает страх и боль. И меня здесь не будет, чтобы тебя спасти.

Раду затрясся, изо всех сил стараясь не расплакаться. Он знал, что Лада ненавидит, когда он плачет, но она сделала ему больно. И поставила перед ним невыполнимую задачу. Другие мальчики были выше, злее, быстрее. Ладе удавалось их побеждать, но он этого умения был начисто лишен.

Весь долгий и унижительный путь обратно, когда он шел вслед за сестрой, Раду думал, как ему стать таким, как она. Бояре в ожидании сидели под шатрами и сплетничали, а слуги обмахивали их опахалами. Мирча беседовал с Владом Данешти и, увидев разбитое лицо Раду, явно обрадовался. Вероятно, он бы с удовольствием добавил еще пару ударов.

За спиной Лады Раду шагал гораздо увереннее, но все равно все взгляды были прикованы к ней. Бояре изумились, увидев княжескую дочку, горделиво выходящую из леса. Никто не удивился тому, что Раду перепачкан и окровавлен, хотя он и не был окровавлен настолько, как Арон и Андрей. Торопясь поскорее убежать от Лады, братья Данешти заплутали в лесу, и их пришлось искать.

После этого лесные состязания были отменены, а у боярских семей появился повод перешептываться о дочери князя. Она всегда опережала мальчишек своего возраста в навыках вер-

ховой езды и открыто требовала, чтобы ее обучали всему, чему обучают ее брата. Вместо того чтобы наказывать Ладу, их отец смеялся и гордился дочерью, дикой и яростной, как кабан. Если бы Раду вышел из леса победителем – заметили бы его?

Раду подслушивал эти разговоры, прячась за гобеленами, укрываясь в темных углах. Он видел, что Арон и Андрей посматривают на него и даже спустя две недели все еще жаждут застать в одиночестве. Лишь в окружении взрослых Раду мог, оставаясь в безопасности, улыбаться и общаться, пуская в ход все свое обаяние.

Лада была права. Она его не спасла. Взгляды врагов, когда они замечали его, красноречиво об этом свидетельствовали.

Поэтому он ждал, прятался и наблюдал. И потом, одним хрустящим осенним вечером, пошел в атаку.

– Привет, – сказал он. Его голос бы так светел и радостен, что вполне мог бы осветить сумерки.

Мальчик-слуга испугался и подпрыгнул, как от удара.

– Могу я вам чем-то помочь? – Его рубашка была заношена почти до дыр. Раду окинул взглядом острые линии его ключиц, длинные и тощие руки. Они, наверное, были ровесниками, но жизнь Раду была куда менее суровой. По крайней мере, еды всегда хватало.

Раду улыбнулся:

– Хочешь поесть?

Мальчик удивленно вытаращил глаза и кивнул.

Раду не понаслышке знал, каково это – когда никому нет до тебя дела. Служка Эмиль занимал такое низкое положение, что бояре, на которых он работал, его не замечали. Раду повел его в кухню.

По замку прокатилась волна краж. После каждого приема, на котором присутствовали боярские семьи, кто-нибудь замечал пропажу ожерелья, драгоценных перстней или памятного кулона. Это бросало тень на князя, и Влад объявил, что, кто бы ни стоял за этими преступлениями, он будет публично выпорот плетками и заключен в тюрьму навсегда. Между бояр пошли злобные и возмущенные пересуды, а Влад стал подозрительным и укрывался в замке, неся на плечах груз стыда за то, что он не в состоянии контролировать происходящее в его собственном доме.

Несколько недель спустя Раду стоял среди толпы, когда Арона и Андрея привязывали к столбу в центре площади. Их лица были мокрыми от слез и соплей.

– Зачем им было красть эти вещи? – с любопытством спросила наблюдавшая за ними Лада.

Раду пожал плечами:

– Все пропавшие драгоценности слуга обнаружил под их кроватями.

Слуга, который больше не умирал с голоду и который считал Раду своим лучшим и единственным другом на свете. Раду улыбнулся. Не было ни одной серьезной причины ждать так долго, откладывая наказание врагов и продлевая позор отца. Но предвкушение было сладким. А теперь наконец реванш.

Лада повернулась к нему, с подозрением сдвинув брови:

– Это сделал ты?

– Можно побить кого-либо, и не прибегая к кулакам, – Раду ткнул ее пальцем в бок.

Она рассмеялась, приведя его в изумление. Он выпрямился и горделиво усмехнулся: ему удалось удивить и развеселить Ладу. Она никогда не смеялась – только над ним. Наконец-то он сделал что-то правильно!

Началась порка.

Улыбка Раду завяла и умерла. Он отвел взгляд в сторону. Теперь он был в безопасности. И Лада гордилась им, чего прежде никогда не случалось. Он старался думать только об этом и не обращать внимания на то, как больно скрутило его живот, когда Арон и Андрей взвыли от боли. Он хотел, чтобы рядом оказалась его няня, обняла и утешила его, и от этого ему тоже стало стыдно.

Лада наблюдала за поркой оценивающим взглядом.

– И все же, – сказала она, – кулаки быстрее.

5

1446 год. Куртя-де-Арджеш, Валахия

В самый разгар лета двенадцатого года жизни Лады, когда чума налетела с настойчивым гудением тысяч черно-синих мух, Влад увез Ладу и Раду из города. Мирча, их мучитель и старший брат, находился в Трансильвании, смягчая конфликты. Лада была в восторге от того, что у всех на виду скакала верхом рядом с отцом. Раду, няня и Богдан ехали вслед за ними, а чуть поодаль скакали стражники отца. Влад указывал на различные приметы сельской местности: едва заметную тропу, взбирающуюся вверх по склону горы, на древнее кладбище с гладкими камнями на могилах давно позабытых людей, на фермеров, рывших канавы, чтобы наполнить их водой из реки для своих посевов. Она впитывала его слова с большей жадой, чем иссохшая земля.

Ненадолго остановившись в маленьком зеленом городке Куртя-де-Арджеш, они отдали дань уважения храму, которому ее отец оказывал свое покровительство. Обычно Ладу нервировали религиозные догматы. Она посещала церковь вместе с отцом, но делала это исключительно для поддержания престижа семьи и выполнения политического долга – чтобы быть на виду. От монотонного пения священников клонило в сон, воздух был спертый, свет – тусклым: ему никак не удавалось пробиться внутрь сквозь грязные окна. Они были православными, но ее отец имел политические связи с папой римским через Орден Дракона, так что было еще важнее, чтобы она стояла ровно, слушала священника и делала абсолютно все, что полагалось, поскольку это должны были увидеть другие.

Это было представление, набившее Ладе оскомину.

Однако здесь, в *этом* храме, имя ее отца было выгравировано на стене. Оно было покрыто золотом и располагалось рядом с массивной мозаикой, изображавшей Христа на кресте. Здесь она почувствовала себя сильной. Как будто сам Бог знал имя ее семьи.

Однажды она построит свою церковь, и Бог увидит и ее.

Они продолжали путешествие вдоль реки Арджеш, то узкой и неистово бурлящей, то широкой и спокойной и гладкой, как стекло. Она змейкой петляла через всю страну, до самых гор. Все вокруг было такого глубокого зеленого цвета, что казалось черным. Темно-серые валуны образовывали крутые склоны, и внизу под ними пробирался Арджеш.

Здесь было свежее, чем в Тырговиште: прохладу хранили камни и мхи. Нависающие горы были такими высокими, что солнце освещало группу путешественников всего несколько часов в день, а все остальное время их путь пролегал в сумерках. Всюду пахло хвоей, древесиной и гнилью – но даже запах гниения здесь был благородным и здоровым, в отличие от мрачной гнили Тырговиште.

Однажды вечером, когда их путешествие подходило к концу, отец дотянулся до вечно-зеленого дерева, росшего на краю валуна. Он отломал ветку, понюхал ее и с улыбкой передал Ладе. Эта улыбка наполнила ее счастьем, и у нее закружилась голова, как от горного воздуха. Она никогда не видела такой спокойной улыбки на лице отца, и, поскольку она была обращена к ней, сердце Лады радостно затрепетало.

– Это дерево – мы, – сказал он и поскакал вперед.

Лада потянула за вожжи и остановила лошадь, кроткое темно-бурое создание. Она внимательно рассмотрела дерево, выжимающее жизнь из камня. Оно было узловатое и невысокое, но зеленое, и росло вбок, в нарушение всех законов гравитации. Оно выживало там, где больше ничто не смогло бы существовать.

Лада не знала, имел ли ее отец в виду их двоих или всех жителей Валахии. В ее душе эти две вещи соединились и стали неразделимы. *Это дерево – мы*, подумала она, поднося к носу ароматную ветку. *Мы бросаем вызов смерти, чтобы расти.*

В тот вечер они прибыли в деревню, зажатую между рекой и горами. Дома были простыми и бесхитростными, не сравнить с их замком. Но по дорожкам бегали и играли дети; то там, то тут мелькали яркие вспышки цветов. Куры и овцы бродили без привязи.

– А как же воры? – спросил Раду. В Тырговиште их животных держали на привязи, и кто-то обязательно присматривал за ними все время.

Няня махнула рукой:

– Здесь все друг друга знают. Кто будет воровать у соседа?

– Да, потому что их немедленно разоблачат и накажут, – сказала Лада.

Раду насупленно улыбнулся ей:

– Потому что им друг на друга не наплевать.

Им подали еду – теплые круглые буханки ржаного хлеба, курицу, подпаленную снаружи и ошпаренную изнутри. Может быть, дело было в долгой дороге, или в том, как благоухало все вокруг, но Лада подумала, что даже у пищи здесь более насыщенный и настоящий вкус.

На следующее утро Лада проснулась рано. Солома из ее койки прошла сквозь сорочку и впивалась в спину. Няня храпела, Богдан и Раду свернулись калачиком в углу, как щенки, а Лада выскользнула через окно.

Их домик, уютный, опрятный и самый красивый в деревне, стоял на опушке леса, и Ладе понадобилось всего несколько шагов, чтобы окунуться в новый, тайный мир, наполненный пробивающимся сквозь зелень светом и неустанным гудением невидимых насекомых. Земля под босыми ногами была по-утреннему влажной. По ней ползали полосатые слизняки размером с указательный палец. Завитки тумана стелились между деревьями, будто приветствуя девочку. Она карабкалась вверх по опасной тропе, мало-помалу продвигаясь к вершине ближайшей скалы из серого камня.

Там, наверху, Ладу ждали руины, давно разрушенная древняя крепость. Она дразнила ее, проступая сквозь туман, и Лада шла на ее зов, не до конца понимая, что с ней происходит.

Он должна была до нее добраться.

Лада спустилась в неглубокий овраг, затем тропинка вела резко вверх к каменной вершине. Ноги скользили, и девочка, тяжело дыша, прижималась лицом к скале. Она заметила вбитые в камень заржавевшие остатки колышков, которые когда-то давно держали мост. Лада схватилась за один, потом за другой и, наконец, перелезла через полуразрушенную стену крепости.

Она прошла по фундаменту, осколки кирпичей и крошки известкового раствора впились в ее стопы. В тех местах, где стена упала, не оставалось ничего, кроме каменной платформы, свисающей над открытым пространством. Ее сердце восторженно забило, когда она посмотрела вниз на Арджеш, теперь похожий на крошечный ручеек, и на деревню, домики которой казались отсюда камушками. Солнечный свет позолотил гребень горного хребта напротив и упал прямо на нее. Он превращал пылинки в воздухе в золото, а туман – в сверкающие радугой капли. Колосовидный пурпурный цветок, растущий на старом фундаменте, привлек ее взгляд. Она сорвала его, подняла к свету и прижала к щеке.

Ее охватил восторг, понимание того, что это мгновение, эта гора, это солнце созданы для нее. Что-то подобное, то же ликование, и жжение, и легкость в груди она ощущала, когда отец был ею доволен. Но сегодняшнее чувство было новым, более сильным и безграничным. Валахия – ее земля, ее *мать* – приветствовала ее. Вот, наверное, какое ощущение должна была дарить церковь. В церковных стенах она никогда не ощущала ничего божественного, но на этой вершине, на этом просторе, она ощутила мир, осмысленность бытия и свое предназначение. Это была слава Божья.

Это была Валахия.
Ее земля.

Когда солнце почти пересекло ущелье и готовилось уйти за гору, Лада начала спускаться обратно. Путь вниз оказался тяжелее, чем подъем, ноги чувствовали себя менее уверенно, а цель уже не была такой манящей.

Войдя в деревню, со стертymi ногами и умирающая с голоду, она получила сильный нагоняй от обезумевшей от волнения няни. Раду хмурился и говорил, что теперь весь день насмарку, и даже Богдан дулся на нее за то, что она не взяла его с собой.

Но ей до них не было никакого дела. Ей не терпелось рассказать отцу, что она почувствовала на вершине горы, как ее мать Валахия обняла ее и наполнила светом и теплом. Чувства переполняли ее, и она знала, что отец ее поймет. Знала, что он будет ею гордиться.

Но он даже не заметил ее отсутствия, а за ужином сидел хмурый и жаловался на головную боль. Лада спрятала под стол цветок, который носила с собой весь день. Позднее в тот же вечер она вложила его в книжечку про святых, которую няня взяла для нее в дорогу, рядом с веткой вечнозеленого дерева.

На следующий день отец отбыл куда-то по делам.

И все же это лето было лучшим в жизни Лады. С отъездом отца отчаянное желание ему угодить покинуло ее. Она плескалась в реке с Богданом и Раду, карабкалась по скалам и забиралась на деревья, дразнила деревенских детишек, и они дразнили ее в ответ. Они с Богданом создали тайный язык, примитивную версию их родного наречия, смешав латынь, венгерский и саксонский. Когда Раду просился с ними поиграть, он отвечали ему на своем искаженном, замысловатом языке. Он часто плакал от досады, но это лишь служило доказательством того, что они правильно сделали, не приняв такого капризного малыша в свою игру.

Как-то раз, взобравшись на склон горы, Богдан объявил, что намерен жениться на Ладе.
– Зачем нам жениться? – спросила Лада.

– Потому что с остальными девчонками скучно. Я ненавижу девчонок. Всех, кроме тебя.

Лада уже понимала, смутно и со страхом, что ее будущее так или иначе связано с замужеством. Ее мама уже давно вернулась в Молдавию (или сбежала туда, в зависимости от того, какие слухи приходилось слышать Ладе), и рядом не было никого, у кого она могла бы об этом спросить. Даже няня только цокала языком и говорила: *Довлеет днeви злоба его*, из чего Лада заключила, что брак – это зло.

Порой она представляла себе темный силуэт у алтарного камня. Стоит взять его за руку и он возьмет от нее все, что ему нужно. Она загоралась ненавистью при одной мысли об этом человеке, который только и ждет, чтобы заставить ее ползать.

Но это был Богдан. Она подумала, что если и выйдет за кого-нибудь замуж, то за него.

– Хорошо. Но только если мы договоримся, что я всегда буду главной.

Богдан рассмеялся.

– А разве сейчас это не так?

Резко толкнув Богдана в плечо, Лада поспешно стерла из памяти видение о темной фигуре у алтаря. Здесь, на этой горе, все было идеально.

– Мы поженимся прямо сейчас.

– Как?

– Дай мне руку.

Он повиновался и зашипел от боли, когда она провела по его ладони кинжалом. То же самое она проделала и со своей рукой, потом быстро схватила его ладонь и прижала к своей. Теплая влага смешалась между их маленькими, грязными ладошками.

– На этой горе, с моей матерью Валахией в качестве свидетельницы, я становлюсь женой Богдана отныне и навсегда.

Он ухмыльнулся, и его большие уши покраснели в лучах заходящего солнца.

– На этой горе, с матерью Лады, глядящей на нас из деревьев и камней в качестве свидетельницы, я женюсь на Ладе отныне и навсегда.

Она плотнее сжала его руку.

– И я главная.

– И ты главная. – Они разжали ладони, и Богдан сел на землю, озадаченно и разочарованно нахмурившись.

– И что теперь?

– Откуда мне знать? Я еще никогда не выходила замуж.

– Нам надо поцеловаться.

Равнодушно пожав плечами, Лада приблизила свои губы к губам Богдана. Прикоснувшись к ним, она почувствовала, что его губы мягкие, сухие и теплые, а черты лица на таком близком расстоянии размылись, и он стал выглядеть так, будто у него три глаза. Она рассмеялась, и он тоже. Остаток дня они провели, прижимаясь нос к носу и рассказывая друг другу, как ужасно они выглядели с одним глазом, или с тремя, и описывая все остальные трюки их зрения.

Они больше никогда не говорили о своем браке, но прошло несколько недель, прежде чем их ладони зажили.

После бесконечной череды солнечно-зеленых дней, они наконец вернулись в Тырговиште. Но ощущения, что они вернулись домой, у них не было. Лада тосковала по тому, что оставила в путешествии. Когда-нибудь она вернется на Арджеш, заново отстроит крепость на горе и станет жить в ней с отцом и Богданом. Может быть, даже и с Раду.

Там будет лучше, чем в Тырговиште. Где угодно будет лучше, чем в Тырговиште.

6

1447 год. Тырговиште, Валахия

Раду, все еще не слишком рослый в свои одиннадцать, ударил по заледеневшей снежной корке. Он замерз, устал и злился. Проносясь мимо него, Лада и Богдан радостно вскрикивали; старый металлический щит с трудом выдерживал их двоих. Они подпрыгивали на кочках холма и останавливались только на берегу реки. Потом поднимались оттуда целую вечность, волоча за собой тяжелый краденый щит. Раду разок попытался помочь им затащить его, но они на него даже не взглянули.

Лада и Богдан втаскивали щит обратно на холм, собираясь скатиться еще раз, и болтали на своем тайном языке. На языке, который, как они думали, Раду не понимает.

– Только взгляни на него, – рассмеялся Богдан. Его дурацкие оттопыренные уши побавровели от холода. – По-моему, он сейчас заплачет.

– Он всегда плачет, – ответила Лада, даже не потрудившись посмотреть на Раду.

От этих слов в глазах у Раду закололо от слез. Он ненавидел Богдана. Не будь здесь этого болвана, Лада бы каталась с холма вместе с Раду. И с Раду делилась бы своими секретами.

Он пошел прочь через сугробы. Солнце отражалось от снега и слепило глаза. Если они заметят его слезы, он скажет, что это от света. Но они все поймут. У берега река замерзла – насколько он видел вдаль, всюду был лед. Неподалеку играли дети, его ровесники. Он пошел в их сторону, стараясь делать вид, что направляется куда-то по своим делам.

Ему хотелось, чтобы они позвали его играть.

Ему хотелось этого так сильно, что от этого желания ему было больнее, чем от замерзших пальцев.

– У меня есть медовый пирог. Его получит тот, кто осмелится дойти до середины реки, – объявил самый старший мальчик. Вместо ботинок его босые ступни были завернуты в тряпки, но его горделивой осанке позавидовал бы любой боярский ребенок.

– Лжец, – ответила маленькая девочка с длинными косами, выбивавшимися из-под шали, повязанной на голове. – У тебя никогда не бывает еды, Костин.

Мальчишка с вызовом вскинул голову.

– Я могу пройти дальше, чем любой из вас, – с гордостью заявил он. – А вы? Кто из вас самый смелый?

– Я, – выпалил Раду. И тотчас же об этом пожалел. Осторожный от природы, он всегда боялся боли и старался не рисковать. Именно из-за этого Лада и Богдан так часто над ним смеялись. Он никогда бы не решился пройтись по замерзшей реке.

Он уже было отступил назад, как услышал за спиной радостный возглас Богдана. И решительно шагнул вперед.

Дети оглянулись, только теперь заметив его. Костин прищурился, разглядывая дорогую одежду и кожаные сапоги Раду. Раду хотел быть его другом. Даже более того: сам до конца не осознавая, Раду хотел *быть* Костиным. Он хотел открыто смотреть людям в глаза, без страха, без стыда, независимо от своего положения.

Костин приподнял верхнюю губу, и Раду охватил внезапный страх, гораздо больший, чем страх перед замерзшей рекой. Он испугался, что Костин проигнорирует его или велит ему уйти. Он боялся, что дети посмотрят на него и поймут, что он не стоит потраченного времени.

– Если ты пройдешь дальше меня, получишь мои сапоги, – отчаянно выпалил Раду.

Костин лукаво поднял брови.

– Клянешься?

– Всеми святыми.

Дети, казалось, были поражены этим внезапным и неуместным заявлением Раду. Это была очень серьезная клятва, ведь святых было больше, чем Раду мог запомнить. И он знал, что нельзя упоминать их при таких обстоятельствах. Раду расправил плечи, подражая агрессивной позе Костина.

– А что ты получишь, если пройдешь дальше меня? – по тону Костина было понятно, что он считает это невозможным.

Раду улыбнулся и повторил слова Костина, заведомо лживые:

– Медовый пирог.

Костин кивнул, и они шагнули на реку. У берега лед был матово-белым и испещрен вмерзшей мелкой галькой. Раду нерешительно передвинул ногу, пытаясь понять, насколько скользкие у него сапоги.

Усмехнувшись, Костин заскользил вперед, передвигая завернутые в тряпье ноги так уверенно, как будто делал это уже сотни раз. Наверное, так оно и было.

Внимательно наблюдая за Костином, Раду двигался следом. У него стало получаться лучше, но он по-прежнему сильно отставал. Это было хорошо. Раду не собирался обыгрывать мальчика, потому что был уверен, что никакого медового пирога у него нет. Раду заметил, что люди, если их ожидания не сбываются, испытывают либо стыд, либо злобу. Он подозревал, что Костин относится к тем, кто начинает злиться, а ему хотелось быть его другом, а не врагом.

К тому же дома его ждала вторая пара сапог. Няня хотя и отругает его, но отцу ничего не скажет. А после хорошего нагоняя она всегда была с ним особенно добра и нежна.

Они отошли от берега реки на несколько метров, как вдруг возле них раздался громкий хруст. От ужаса Раду застыл на месте.

Костин оглянулся. Его темные глаза сверкали, подбородок был горделиво поднят.

– Середина вон там, трус. – Он сделал еще несколько шагов и с громким треском провалился под лед.

– Костин! – закричал Раду, шагнув к краю полыньи. Мальчик вынырнул и стал искать, за что ухватиться. Раду лег на живот и быстро пополз вперед. Он уже почти дотянулся до руки Костина, но тут лед затрещал и под ним.

Кто-то схватил его за лодыжку и потянул назад.

– Подожди! – закричал он, протягивая руки Костину. Мальчику уже удалось выкарабкаться до уровня живота, но он никак не мог вытащить из воды вторую половину тела. Он тянулся к Раду, но было слишком поздно. Кто-то оттащил Раду назад. Глаза Костина распахнулись от ужаса, а лицо побелело.

– Подожди, подожди! Ему надо помочь! – Раду дергал ногами, стараясь освободиться, но тут его схватили и за другую лодыжку и уверенно потянули к берегу. Он ударился подбородком о лед, прикусил язык, пошла кровь. Его выбросили на берег, и Лада наотмашь ударила его по лицу.

– О чем ты думал? – кричала она.

– Нужно его вытащить!

– Нет!

– Он утонет! Пусти!

Она схватила его за воротник и встряхнула.

– Ты мог погибнуть!

– Он умрет!

– Он – никто! Твоя жизнь стоит сотни таких, как его, понимаешь? Никогда больше не рискуй ею ради других.

Она все продолжала и продолжала его трясти. Его голова болталась, и он не видел реки, не видел, выбрался Костин или нет. Он слышал, как кричали другие дети, но их голоса доносились как будто издали, а его сердце колотилось так бешено, что он не мог разобрать их слов.

Наконец, Раду взглянул на Ладу, ожидая увидеть на ее лице гнев, но вместо этого увидел... нечто удивительное. В ее глазах сверкали слезы, за которые она его непременно высмеяла бы.

– Никогда больше так не делай. – Она встала и помогла ему подняться. Богдан взял его за другую руку, и они повели его прочь. Раду попробовал оглянуться, но Лада обхватила рукой его шею и заставила смотреть вперед. Он ожидал, что она пойдет впереди или что наорет на него. Но вместо этого весь этот долгий путь домой по морозу она шла рядом и молчала.

– Он в порядке, – наконец сказала она в ответ на всхлипывания Раду. – Он выбрался.

– Правда? – Раду перестал хлюпать носом и задрожал от радости.

Лада указала на щит.

– Сядь.

Она заставила Богдана усадить Раду. Она назвала Богдана ослом, тупицей и еще столькими забавными прозвищами, что Раду забыл лицо Костина и расхохотался. В тот вечер, когда они ужинали напротив огня, она сидела рядом с ним, донимала и подкалывала его, сотрясаясь в беззвучном смехе.

Когда она решила, что он уснул, она забралась в его комнату. Раду всегда спал плохо, часто просыпался и все время о чем-то тревожился. Но теперь он лежал так тихо, как только мог, и следил за своим ровным дыханием. Ему было интересно, что она делает.

Она долго сидела у кровати. Потом положила руку на его плечо и прошептала:

– Ты – *мой*.

Раду вспомнил, каким был голос Лады, когда она сказала, что Костин выбрался из воды. В ее тоне не было убежденности. Он был уверен, что она солгала. Он уснул, окутанный теплой безопасной близостью Лады и раздраемый чувством вины за то, сколько счастья принес ему этот день.

Которым он был полон и сейчас.

7

Весной после того, как она едва не потеряла Раду на замерзшей реке, Лада лежала на спине и смотрела на зелень листвы над головой. Ветки были переплетены так плотно, что свет едва просачивался сквозь шелестящие листья. Их наставник что-то монотонно бормотал – сегодня была латынь – и Раду послушно за ним повторял. Ему уже было почти двенадцать, а ей – скоро тринадцать. Течение времени и прибавление лет к ее имени наполняло ее ужасом. Она была недостаточно взрослой. Все еще нет. И ей предстоял еще долгий путь.

Но после семи лет обучения, семи лет, проведенных в этом городе, в этом замке, она умела читать, писать и говорить на латыни не хуже других. Это был язык договоров, писем и Бога, формальный и жесткий в ее устах. Валашский считался языком простолюдинов – устным, а не письменным.

Но как же сладко было на нем говорить!

– Ладислава, – окликнул ее наставник. Это был молодой человек, гладко выбритый: он не владел землей, и поэтому ему не позволялось отращивать бороду и усы. Лада его на дух не переносила, но ее отец настоял на том, чтобы она обучалась вместе с Раду. Влад сказал буквально следующее: *Обучать червя-нытика – пустая трата времени. Но, по крайней мере, мы можем подключить к процессу Ладу, мозг которой стоит того, чтобы его обтесать. Жаль только, что она девчонка.*

Умнее, сильнее, выше. Лада не забыла, какие критерии ее отец перечислил тогда, много лет назад, когда она не смогла его побороть. С тех пор ею владело страстное желание завоевать его любовь и показать, что она способна быть и умнее, и сильнее, и выше. Это была ее цель. Она не сомневалась, что, если ей удастся этого добиться, отец станет смотреть на нее с еще большей любовью и гордостью, чем он смотрел на ее старшего брата, Мирчу. Ему уже исполнилось двадцать, он был взрослым мужчиной и наследником отца. Мирча сопровождал Влада, когда приходилось воевать, смягчал напряжение между боярскими семьями, принимал пищу с отцом, разрабатывал планы с отцом, скакал верхом рядом с отцом. Он был правой рукой Валахии. И именно эта его рука так любила потянуть за волосы, ущипнуть и найти самые разные способы сделать больно тому, кого больше никто не замечал.

Однажды он станет князем.

Если сумеет прожить так долго.

Но прежде, пока не стало слишком поздно, Лада займет место Мирчи в сердце отца. В тот день, когда он вернул ей нож и объявил дочерью Валахии, он впервые по-настоящему увидел ее, и воспоминание об этом доставляло ей и радость, и боль.

Она повторила последнюю фразу, которую учитель произнес на латыни, а затем для верности произнесла ее на венгерском и турецком.

– Очень хорошо. – Наставник поерзал, устраиваясь на деревянном стуле, который принес с собой. – Хотя нам было бы гораздо удобнее заниматься в помещении.

Ее последний учитель отшлепал ее за то, что она попросилась на улицу. В ответ она разбила ему нос. Новый наставник ограничивался деликатными предложениями, которые чаще всего игнорировались.

– Это моя страна, – Лада встала и скинула руки над головой, несмотря на тугие рукава, стеснявшие ее движения. Она не любила заниматься в замке. Каждый день она заставляла их выезжать верхом за пределы обнесенного стеной внутреннего города. Они следовали мимо скромных домиков и лачуг, затем через грязные и убогие пригороды столицы, пока не оказывались в освежающе зеленых предместьях. Лошадей выпускали гулять в поля, расцветенные вспыхивающими то тут, то там пурпурными цветами, а она и Раду постигали науку под сенью березовой рощи.

- Страна не *твоя*, – шурша палочкой, Раду выводил на земле латинские слова.
- Разве это не Валахия?

Раду кивнул. Его нос перепачкался в грязи, из-за чего ее брат выглядел маленьким и смешным. Это разозлило Ладу. Он всегда был с ней, приложением к ее жизни, и она никогда не могла понять, как к нему относиться. Порой, когда на его лице появлялась улыбка, яркая, как отражающееся от ручья солнце, или когда она видела, как он расслабляется во сне, ее переполняло неподвластное ей чувство боли. Оно ее пугало.

– Сядь прямо. – Она взяла его за подбородок и потерла его нос своей рубахой так яростно, что он вскрикнул и попытался вырваться. Она крепче схватила его подбородок. – Это Валахия, а я – дочь Валахии. Наш отец – правитель Валахии. Это *моя* страна.

Раду наконец перестал сопротивляться и устался на нее. Его огромные глаза наполнились слезами. Ее брат был таким очаровательным, что женщины на дороге останавливались, чтобы с ним поворковать. Когда на его щеках появлялись ямочки от улыбки, повар давал ему добавку любого блюда, какого бы он ни пожелал. А когда Лада видела, что его обижают, ей хотелось его защитить, и это ее злило. Он был слабым, и защищать его – тоже казалось слабостью. Мирча такой слабостью точно не страдал.

Она отпустила подбородок Раду и почесала затылок. В прошлом месяце Мирча так сильно дернул ее за волосы, что на голове осталось лысое место, которое только теперь начало зарастать. *Пусть девчонки знают свое место*, прошипел он.

Лада подняла лицо навстречу лучу солнца, пробивавшемуся сквозь листву. *Вот оно. Мое место*. Ей дал его отец, и Валахия всегда будет принадлежать им. Раду ударил ногой по каракулям в грязи.

– Не все хотят, чтобы страна нашей.

– Не могли бы мы вернуться к... – начал наставник, но Лада подняла руку, заставив его замолчать.

Опустившись на корточки, она подняла с земли круглый камень, как раз по размеру своей ладони. Увесистый. Тяжелый. Размахнувшись, она запустила камень в воздух. Послышался глухой удар, за ним резкий гневный вскрик, затем – смех. Богдан встал с того места, где полз по земле, подкрадываясь к ним.

– Будь незаметнее, Богдан, – усмешка Лады превратилась в улыбку. – Подойди, сядь. Раду как раз издевается над латынью.

– У Раду отлично получается, – возразил наставник и нахмурился, глядя на Богдана. – А меня наняли не для того, чтобы я обучал сына няньки.

Лада наградила его своим самым холодным и высокомерным взглядом:

– Вас наняли для того, чтобы вы делали, что вам велят.

Наставник, который очень любил свой прямой и безупречный нос, тяжело вздохнул и продолжил урок.

– А теперь на венгерском, – приказала Лада Богдану, быстро и уверенно шагая по коридору. Тырговиште был устроен как великий византийский город: в центре – замок, вокруг него – имения бояр, за ними – дома ремесленников и прислуги, сумевшей заработать себе покровительство, а далее, за массивными каменными стенами – все остальные. В городе дома были выкрашены в яркие оттенки красного и синего, желтого и зеленого. Роскошные цветники и журчащие фонтаны улаждали взгляд. Но всюду проникал запах человеческих испражнений, а кварталы нищих и немощных подползали, казалось, все ближе к цитадели. Лада даже видела, как они строят свои хибары вплотную к стене.

Ладе и Раду не позволялось находиться за пределами Тырговиште. Каждый раз, когда нужно было уехать из города, их сажали вместе и поспешно провозили по улицам, и им удавалось заметить лишь очертания развалюх, осунувшиеся лица и подозрительные взгляды.

Они жили в замке, который, несмотря на все усилия, не мог тягаться с роскошью Константинополя. В нем было темно и тесно. Стены были толстыми, окна – узкими, коридоры – запутанными. Конструкция замка доказывала, что бассейны, сады и люди в ярких нарядах – ложь. Тырговиште не был блестящей Византией. Да и Византия больше не была Византией. Как и все остальные государства, расположенные так близко к Османской империи, Валахия стала маршевым полигоном для более сильных армий, тропой, которую снова и снова попирали ноги солдат.

Лада приложила руку к стене и ощутила холод, никогда не покидавший эти камни. Замок был одновременно и мишенью, и ловушкой. Здесь она никогда не чувствовала себя в безопасности. По раздраженному тону и напряженному поведению отца она понимала, что он тоже ощущал угрозу. Она страстно хотела жить в другом месте, на лоне природы, под защитой гор, где подбирающихся к ним врагов было бы видно за несколько миль. Где-то, где ее отец смог бы расслабиться и нашел бы время с ней поговорить.

Мимо прошли двое янычар. Это были элитные османские воины, которых мальчишками взяли из других стран в качестве оброка и обучили служить султану и его богу. Янычары о чем-то непринужденно беседовали и смеялись, отчего дрожали их парадные шапки, красно-коричневые с белыми отворотами. Ее отец стремился к тому, чтобы замок был символом власти и силы, но отказывался видеть истинный символизм Тырговиште. Он не давал им власти – а давал власть другим над ними. Они были здесь в заточении, они были заключенными, зависевшими от требований влиятельных боярских семей. Хуже того, несмотря на помазание ее отца в крестоносцы папой римским, они все еще оставались вассальным государством Османской империи. Ради того, чтобы занять свой престол, ее отец пожертвовал богатства, жизни и свою собственную честь османскому султану, Мураду.

На языке их венгерских соседей с запада Богдан рассказывал Ладе, как прошел его день. Время от времени поправляя его произношение, она распахнула дверь и вошла в главный зал. Она мельком взглянула на двух янычар, которые стояли здесь, прислонившись к стене. Они были как камешек в туфле – постоянно мешали.

У Болгарии и Сербии были схожие договоренности с султаном – они откупались от Османской империи деньгами и мальчишками, получая взамен стабильность. Но в отличие от них Венгрия и Трансильвания оказывали сопротивление, не желая становиться вассалами. Напряжение у границ требовало постоянного внимания Влада, заставляло его неделями отсутствовать дома и награждало болями в желудке, от которых он становился раздражительным и злым.

Лада *ненавидела* османов.

Один из янычар поднял густую бровь. Он выглядел как болгарин или серб, но заговорил по-турецки:

– Какая уродина эта девчонка. Князю повезет, если он найдет ей пару. Или неприятный женский монастырь.

Лада шла дальше, будто ничего не слыша, но Богдан остановился. Он рассердился. Воин заметил, что мальчик все понял, и с интересом шагнул в их сторону:

– Ты говоришь по-турецки?

Лада схватила Богдана за руку и ответила с идеальным произношением:

– Тому, кто собирается командовать придворными псами, приходится учить турецкий.

Солдат рассмеялся:

– Ты будешь чувствовать себя с ними как дома, маленькая сучка.

Лада достала кинжал прежде, чем это успели заметить солдат и его компаньон. Рост не позволял ей дотянуться до шеи мужчины, поэтому она удовольствовалась тем, что яростно полоснула по его руке. Воин закричал от боли и удивления, отпрыгнул назад и завозился, пытаясь достать саблю.

Лада подала знак, и Богдан бросился на ноги солдата, опрокинув его. Теперь он лежал на полу, и его шея была легкой мишенью. Лада прижала нож к его шее под подбородком и взглянула на другого солдата. Это был бледный, худощавый юноша – почти еще мальчик – с пронзительными карими глазами. Одну руку он держал на сабле, клинке с длинным изогнутым лезвием, так любимом османами.

– Только дурак станет нападать на дочь князя в ее собственном доме. Двое солдат против беззащитной девочки, – сказала Лада, сверкнув зубами. – Очень невыгодно для договоров.

Худой солдат убрал руку с сабли и отступил. Его улыбка была такой же кривой и угрожающей, как и его оружие. Он уважительно поклонился.

Богдан вскочил с пола, дрожа от ярости. Глядя на него, Лада покачала головой. Не стоило его в это впутывать. У Лады было чувство власти – тонкие нити, соединявшие всех вокруг нее. Она умела затягивать и закручивать эти нити, пока они не перекрывали ее врагам кислород.

Или пока не рвались.

В ее распоряжении было несколько нитей. Она хотела иметь их все. У Богдана не было почти ни одной, и те немногие нити, которыми он обладал, были даны ему от рождения просто за то, что он – мальчик. Уже за одно это люди уважали его больше, чем его мать, няню. Лада смотрела на легкость, с которой жизнь приветствовала Богдана, – и от зависти у нее сводило челюсть.

Она надавила на кинжал еще раз, но недостаточно сильно, чтобы проткнуть кожу. Потом встала иправила платье.

– Вы – рабы, – сказала она. – Вы ничего мне не сделаете.

Глаза тощего солдата задумчиво сузились, когда он взглянул через плечо Лады – на Богдана. Она взяла своего друга за руку и вышла с ним из зала.

Богдан кипел от злобы.

– Надо рассказать твоему отцу.

– Нет!

– Но почему? Он должен знать, как они тебя оскорбили!

– Да ведь мы же их даже не замечаем! Они – ничтожнее грязи. Ты же не станешь злиться на грязь за то, что она прилипла к твоим ботинкам. Ты смахнешь ее и больше о ней не вспомнишь.

– Твой отец должен знать.

Лада нахмурилась. Она вовсе не боялась наказания за свой поступок. Она боялась, что ее отец узнает, что думают о ней янычары, и поймет, что они правы. Что она – девчонка. Что ее ценность меньше, чем у придворных псов, и что единственное, что с ней можно сделать – удачно выдать замуж. Ей приходилось быть самой умной, постоянно удивлять и радовать его. Она боялась, что в тот день, когда она перестанет его впечатлять, он вспомнит, что его дочь – пустое место.

– Нас накажут? – лицо Богдана, такое же знакомое и любимое, как ее собственное, озабоченно сморщилось. Он рос не по дням, а по часам, и теперь был гораздо выше ее. Сколько она себя помнила – он всегда был на ее стороне. Он был *ее* – товарищем по играм, доверенным лицом, братом по духу, если не по крови. Ее мужем. Сильным и надежным там, где Раду проявлял слабость. Она дернула его за большое ухо. Они торчали в обе стороны, как ручки кувшина, и были для нее дороже всех драгоценностей в замке.

– Янычары имеют столько власти, сколько мы позволим им иметь. – Она сказала это в утешение, но вспомнила изогнутую саблю над тронем ее отца. Подарок султана Владу. В ней было и обещание, и угроза, как и в большинстве предметов в Тырговиште.

На следующее утро Лада проснулась поздно. Ее глаза опухли от сна, а голова гудела от кошмаров. Она услышала странный звук, какой-то икающий стон, раздававшийся из-за двери ее спальни. Разъяренная, она вышла в комнату, соединявшую ее покои с комнатой Раду – туда, где спала их няня.

Обхватив себя руками, няня сидела на стуле и раскачивалась из стороны в сторону. Источником шума оказалась она. Раду гладил ее по спине и выглядел потеряннным.

– Что стряслось? – спросила Лада, и паника пчелиным роем поднялась в ее груди.

– Богдан. – Раду беспомощно развел руками. – Янычары забрали его.

Лада выбежала из комнаты и ринулась в кабинет отца. Он сидел, склонившись над картами и бухгалтерскими счетами.

– Отец! – Крик получился отчаянным и сдавленным. Детским. Все ее усилия, направленные на то, чтобы заставить его видеть в ней нечто большее, чем просто девочку, рухнули от одного этого слова. Но она не могла молчать. Он поможет. Он все уладит. – Янычары забрали Богдана!

Ее отец поднял глаза, опустил перо и вытер пальцы о белый платок. На платке образовались черные пятна, и отец пренебрежительно бросил его на пол. И произнес размеренным тоном:

– Янычары сказали мне, что у них возникли проблемы с одним из придворных *псов*. Их солдат был ранен. Они потребовали, чтобы мы предоставили им замену, кого-то, кто бы говорил по-турецки. Большая удача для сына няни, не правда ли?

Губы Лады задрожали. Это чувство, которое рождалось в ее сердце, когда на нее смотрел отец – эта бешеная, отчаянная гордость, – свернулось и скисло. Он знал, что Богдан значил для нее. Знал, но позволил янычарам забрать ее самого дорогого друга.

Ему было все равно. А теперь он просто наблюдал за ее реакцией.

Она сжала трясущиеся руки в кулаки и кивнула.

– Теперь следите за тем, чтобы псы вели себя как полагается. – Взгляд ее отца пронзил ее насквозь, выпустив пчел и образовав внутри звенящую пустоту. Она поклонилась и жесткой походкой вышла из кабинета. Там она прижалась к стене и плотно вдавила глаза кулаками, пытаясь затолкнуть слезы как можно глубже.

Это была ее вина. Она могла бы пройти мимо янычар. Раду бы прошел. Но не она. Ей захотелось бросить им вызов, поиздеваться над ними. И один из них – тот худошавый – по одному взгляду на нее понял, как причинить ей боль.

Все ее тонкие нити оборвались и опутали ее сердце, сжав его слишком сильно. Ошиблась она, но отец ее предал. Он мог бы сказать нет – должен был сказать нет, должен был их остановить, должен был показать янычарам, что это он, а не они управляют Валахией.

У него был выбор, но он решил этого не делать.

Она вспомнила грязный платок. Запаханый и выброшенный, забытый и не нужный теперь, когда он перестал быть девственно чистым. Ее отец был расточительным. Ее отец был слабым.

Богдан заслуживал лучшей доли.

Она заслуживала лучшей доли.

Валахия заслуживала лучшей доли.

Она мысленно вернулась обратно к своей любимой горе, взобралась на вершину, почувствовала, как ее приветствует солнце. Она никогда не отбросит свою страну так, как это сделал отец. Она ее защитит.

Сдавленный всхлип вырвался наружу. Что она могла поделать? У нее не было власти.

Пока, поклялась она. У нее не было власти *пока*.

8

Раду всегда ненавидел Богдана. Ненавидел за то, что тот украл у него время и внимание Лады. Ненавидел, за то что Богдан таскал его за волосы и за уши и смеялся, когда Раду обдирает себе колени и не мог удержаться от слез.

Но больше всего Раду ненавидел Богдана за то, что тот его почти не замечал.

А теперь Богдан украл у Раду няню, оставив лишь пустую оболочку. Богдан сам виноват, что ушел. Но, вместо того чтобы просто исчезнуть, ему непременно нужно было разрушить все на своем пути.

Комнаты Раду превратились в душную гробницу Богдана. Няня рыдала, сидя на своем стуле, и который день не притрагивалась к корзинке с шитьем. Ладе было еще хуже. Обычно, когда что-то шло не так, как ей нужно, она превращалась в яростный поток, в разрушительный шторм, который сметал все на своем пути и затухал так же быстро, как и разгорался.

Однако потеряв Богдана, Лада молчала. Смотрела перед собой. Была неподвижна.

Это пугало Раду.

Он забился в угол конюшни, в темное место, где его могли найти, только если бы начали искать. Но Раду никогда никто не искал. Заметив на ладони паука, Раду поднял руку и мягко перенес насекомое на деревянную балку, в безопасное место.

Двое янычар расслабленной походкой вошли в конюшню и ввели вспотевших и дрожащих лошадей. Прищурившись, Раду наблюдал за тем, как они ловко обтерли животных, напоили и задали им свежего корма.

Когда Мирча возвращался с поездки верхом, он спрыгивал вниз, бросал поводья слуге и выходил из конюшни. Еще Мирча хлестал своих лошадей, и борозды на их боках выдавали его любимчиков. Раду видел, как однажды, когда рядом не было ни одного конюха, Мирча спрыгнул с коня, у которого из глубокого пореза на ноге сочилась кровь, и просто ушел.

Раду хотелось бы ненавидеть всех янычар из солидарности с Ладой, но ему нравилось, как они заботятся о своих животных. Еще ему нравились их забавные шапки, и то, что они никогда не ходили поодиночке. Он ни разу не встречал янычара без сопровождения.

Двое мужчин все время переговаривались низкими, приглушенными голосами.

– Ты заметил здесь новое животное? – спросил один, стоявший спиной к Раду.

Другой янычар, молодой человек с рябой кожей и темными глазами, покачал головой.

– Робкое создание. Думаю, он очень ценной породы, но его еще никто не удосужился вывести поскакать. Жаль.

– Ты имеешь в виду бледного? Кудрявого? С большими глазами? Который прячется в углу?

Раду охватил страх. Они его заметили. Что они с ним сделают?

– Да, того самого! Кажется, он немного грустит. Может быть, если бы он подружился с другими животными... – янычар выпрямился и повернул голову, улыбаясь и глядя на то место, куда спрятался Раду. У него были добрые глаза. – Не хочешь помочь нам с лошадьми?

Раду не пошевелился.

– Этот конь очень ласковый. Видишь? – Янычар ткнул носом в морду лошади. Она фыркнула ему в лицо, и оба янычара рассмеялись. – Выходи, познакомься со своим товарищем по конюшне.

Раду встал, робко прижимаясь к дверям стойла и ища глазами выход.

Янычары протянули ему щетку с жесткой щетиной.

– Вот, возьми, сделай доброе дело. Нам приходится наклоняться слишком низко, чтобы добраться до нижних частей. Помогите нам, чтобы мы не ломали наши несчастные спины. Они и без того жутко ноют.

Раду взял щетку. Она оказалась тяжелой. Он нерешительно потянулся к лошади и слегка коснулся ее. Его учили ездить верхом, но обучением занимался Мирча, поэтому Лада вела себя как дикарь и постоянно соревновалась, а на Раду все время орали. У него до сих пор оставался след на шее – в том месте, по которому Мирча однажды хлестнул плеткой. Мирча тогда сказал, что хотел ударить лошадь.

Янычар с добрыми глазами положил ладонь поверх кисти Раду и стал показывать, как чистить коня, с какой силой нажимать.

– Похоже, ты не конюх.

Раду покачал головой, не поднимая глаз.

– О, я знаю, что это за юное создание! – усмехнулся янычар с рябой кожей. У него не хватало нескольких зубов. – Они что, держат всех маленьких князей в конюшне? Какие странные обычаи в Валахии! Ты любишь овес?

Раду понимал, что его дразнят, но, кажется, его дразнили по-доброму. С ним как будто играли. Он улыбнулся в ответ.

– Я предпочитаю пироги.

Янычары рассмеялись. Один потрепал его по плечу. Когда это делал Мирча, это было похоже на замаскированный удар, а теперь напоминало поглаживание.

Раду помог янычарам выполнить оставшуюся часть работ, задал несколько вопросов, но больше слушал. Напоследок они сказали, чтобы он ждал их здесь на следующий день немного раньше, чтобы помочь с выездкой лошадей. Обратное в свои комнаты он почти летел, задыхающийся и счастливый. К счастью, Лады нигде не было видно. Няня сидела на своем обычном месте. Раду забрался на стул и обнял ее, обхватив за шею. Она вздохнула, не глядя на него.

– А ты знала, – сказал Раду, с такой же осторожностью, с какой пересаживал на балку паука, – что янычары занимают очень престижное место в Османской империи?

Няня нахмурилась и впервые за несколько дней взглянула на него.

– Им дают образование, тренируют. Им даже платят. Все ими восхищаются. Я разговаривал с одним сегодня, и он сказал, что мать отдала его янычарам, желая спасти от жизни, в которой его ждали бы только страдания. Он сказал... – Раду сделал паузу, и его голос стал мягче. – Он сказал, что он благодарен. Что это лучшее, что могло с ним произойти. У него всегда было вдоволь еды, множество друзей и деньги, чтобы потратить на что угодно. Он сказал, что теперь он умнее и сильнее, чем мог когда-либо стать. Он говорит, что молится каждый день, испытывая к матери благодарность и любовь.

Ничего такого янычары не говорили. Но няня сжала руку Раду так сильно, что стало больно. Он не отстранился. Она кивнула и вытерла слезы:

– Будь добр, передай мне корзину для шитья.

Раду сел поудобнее и стал смотреть, как ее дрожащие руки становятся увереннее с каждым стежком.

Воздух был тяжелым и густым от влаги. Раду шел по мощеной тропе к конюшням позади замка. Он весело напевал себе под нос, но его пение резко оборвалось, когда кто-то шлепнул его по затылку.

– Куда идешь? – спросил Мирча.

Раду не ответил. Молчание было лучшей тактикой в общении с Мирчей.

За спиной Мирчи внезапно возник их отец, и Раду отступил еще дальше в сторону. Он не помнил, когда разговаривал с отцом в последний раз. Карие глаза Влада скользнули по нему, будто не замечая. Затем Влад моргнул и наконец-то сфокусировал взгляд на младшем сыне.

– Раду. – В его голосе чувствовался вопрос, как будто он собирался что-то сказать, но не помнил, что.

За ним подоспели несколько бояр, по большей части из рода Данешти, их давние соперники. С ними был и Андрей, нервный и замкнутый, каким он теперь был всегда. Одетые для верховой езды, они остановились и уставились на Раду.

Раду хотел бы, чтобы они были женщинами. С женщинами было гораздо проще. Мужчины были жесткими и грубыми и безразличными к быстрой, лучезарной улыбке. Лада бы знала, что делать. Лада бы бросила на них сердитый взгляд и задрала нос, чтобы ни один из них и подумать не посмел, что они лучше ее. Раду выпрямился и представил, что он – это она.

– Мальчишка умеет ездить верхом? – спросил один из самых пожилых бояр Данешти, утомленно, но с легким вызовом.

Отец бросил на Раду жесткий взгляд.

– Конечно, умеет.

Раду поспешил за отцом и братом. Он беспокоился, что его не пригласят и накажут, но еще больше он беспокоился о том, что случится, если он поедет с ними и не справится.

Его друзья-янычары ждали его в дальней части конюшни. Лазарь, тот, что с щербатой улыбкой и смешливый, заметил, как перепуган Раду, и быстро оценил ситуацию. С ними Раду ездил верхом почти каждый день, под их шутивным попечительством он не только освоился в седле, но даже стал ловким наездником. А еще он, возможно, рассказал им слишком много о своей семье. Пока выводили лошадей, приготовленных к прогулке, он стоял, понурился головой. Для него лошади приготовлено не было, и всем стало ясно, что он не должен был участвовать в поездке. Или вообще хоть в чем-то участвовать.

Он смотрел, как его отец садится в седло. Ему стыло стыдно, из глаз грозили политься слезы. Тогда Лазарь прокашлялся и сказал:

– Ваша лошадь. – Он протянул ему вожжи и уважительно поклонился, как будто Раду был чем-то большим, чем просто позабытым всеми мальчиком.

Раду взял поводья и улыбнулся, но быстро спохватился и поддержал формальный тон Лазаря.

– Благодарю, – сказал он и запрыгнул в седло так плавно и отлаженно, как только мог, выпрямился и направил своего коня вперед, желая поравняться с лошадью Мирчи. Чтобы пальцы не дрожали, он крепко сжал кожаные ремни. Отряд двинулся к лесу. Проезжая по полю, всадники держались вместе.

Его отец оглянулся и, как будто снова удивившись существованию Раду, оценил его великолепную форму. Грудь Раду наполнила гордость от того, что он здесь, скачет верхом рядом с отцом и старшим братом, возглавляя группу бояр. Он на своем месте. Он поднял подбородок выше и поймал взгляд отца, предвкушая улыбку.

– Не опозорь меня, – сказал отец ровным тоном и, не удостоив Раду больше ни одним взглядом, погнал коня вперед.

Грудь Раду больно сжалась. Вся его гордость и надежда свернулись и опали где-то в животе. Оставшуюся часть поездки они, взмокнув, пробирались среди деревьев, кишящих насекомыми. Он перестал подгонять свою лошадь и отстал, оказавшись в хвосте группы рядом с самыми незнатными боярами, которые ворчали и сплетничали, не обращая на него никакого внимания.

Ветки дважды хлестали Раду по лицу, оставляя после себя острую боль. Но он ни разу не вскрикнул и продолжал держаться в седле прямо. Он прислушивался к разговорам вокруг и понимал, что недовольство слишком часто было направлено на главу группы.

Он никого не опозорил. Он оставался незамеченным и невидимым.

Вероятно, это было самое меньшее и самое большее, что он мог сделать для своего отца.

9

Лада задыхалась в замке. Все вокруг было пропитано тревогой и страхом. Люди собирались в темных углах и шептались. Ее отец закатывал один банкет за другим, стараясь улажить бояр, которые все более открыто проявляли свою враждебность. Куда бы она ни пошла, за ней следили. Богдан был своего рода щитом – всегда рядом, всегда послушный. Смириться с его потерей было тем труднее, что она к тому же потеряла любовь и уважение, которое испытывала к отцу.

Она поняла, как мало на самом деле ее отец думал о Валахии. Все, что он делал, он делал для себя, стремясь защитить свою власть любой ценой. Защита и броня, которую, как она себе представляла, давала ей его любовь, оказалась сорвана, а без нее она чувствовала себя голой и ранимой. Каждый день был наполнен риском, каждая улыбка и разговор таили в себе опасность. Один неверный шаг – и она тоже могла оказаться выброшенной. Отец по-прежнему относился к ней благосклонно, и она подозревала, что по-своему он ее любит, но его любовь была такой же ничтожной и хрупкой, как его бесконечные лживые политические обещания.

Этим летом ей исполнится тринадцать. Ее мама в тринадцать лет вышла замуж.

Во рту Лада постоянно ощущала железистый привкус крови. Это был вкус поражения. Однажды вечером она шла по коридорам в сторону кухни, и один боярин толкнул ее и даже не извинился. Она чувствовала себя мелкой и незначительной.

Она и *была* мелкой и незначительной.

Она поспешила в сад за замком, окунула голову в фонтан и промыла водой рот, пытаясь избавиться от неприятного привкуса. Ее внимание привлекли сдавленные крики. Она отлично знала этот звук, потому что обычно сама и была его причиной. Лютое чувство обладания вскипело в ее груди, и она метнулась через сад, приближаясь к Раду и к его обидчику.

Мирча держал Раду за шею и толкал вниз, все глубже погружая в безжалостные шипы густых розовых кустов. Мирча был сильным и коренастым, как отец, но растительность у него на лице все еще оставалась жидкой. Иногда Лада заставляла его над отражением в воде: он стоял и оттягивал свои редкие усы, как будто заставляя символ своего статуса расти быстрее.

– Что ты слышал? – шипел Мирча, не замечая, что за ним наблюдают. Он надавил еще сильнее, и Раду закричал.

– Ничего, ничего, – настаивал Раду.

Лада бесшумно достала кинжал, который всегда носила под поясом, и спрятала его за спиной.

– Так вот ты где, – сердито сказала она. – Отец тебя ищет.

Мирча обернулся. Его лицо было таким открытым и радостным, будто он занимался чем угодно, но не пытал своего брата.

– Неужели?

– Что-то насчет бояр, – Лада подняла свободную руку и пренебрежительно махнула. Это была хорошая ложь. Всегда было *что-то* насчет бояр, что требовалось обсудить. Она сорвала цветок розы и поднесла его к лицу. Она ненавидела этот аромат, их сладость была слишком хрупкой. Она хотела иметь сад вечнозеленых растений. Сад камней. Сад сабель. Она заговорщицки улыбнулась Мирче.

– Кажется, он злится.

– Он всегда злится.

– Наверное, ему шапка жмет.

– Наверное, его шаровары слишком малы.

– Может быть, – сказала Лада, заметив, что Мирча ослабил хватку и что Раду хватало ума стоять, не шелохнувшись. – А может быть, слишком мало то, что у него в шароварах.

Мирча отпустил Раду, запрокинул голову и расхохотался. Он похлопал Ладу по плечу и крепко сжал его.

– Будь осторожна, сестрица. У тебя грязные шуточки.

Он отвесил Раду пинок и поспешил мимо них в замок. В основе натуры Мирчи лежала подлость. Лада видела, как он мучает охотничьих собак, причиняя им боль без причины. Она этого не понимала. Зачем делать что-то просто так, без цели? Она его не любила, но испытывала перед ним здоровый страх.

– Пошли, – Лада освободила Раду из кустов. Его рукава были все в прорехах от шипов. Судя по его крикам, его коже тоже досталось. Она тянула его за собой. Они вышли из сада и через ворота вошли в брошенную конюшню, пустую и пропахшую гниющим сеном. Всех лишних лошадей, которые у них оставались, продали, чтобы покрыть растущие долги отца. Большую часть основной конюшни занимали кони янычар, кони бояр, кони должников.

– Если Мирча найдет отца, он поймет, что я солгала. – Лада села на землю, подмяв под себя юбки.

Раду вытер нос рукавом.

– Почему ты мне помогла?

– Почему тебе все время требуется помощь? – Она сердито заставила его сесть рядом и внимательно осмотрела его лицо. Раны были поверхностные, ничего серьезного. Она вырвала несколько шипов из его рук, не обращая внимания на его всхлипы. Она никогда не была нежна с Раду, но все, что она делала – она делала ради его блага. Он был слишком хрупким для этого мира, и чем скорее он изменится, тем проще станет его жизнь. – Что так разозлило Мирчу?

Раду отодвинулся от нее подальше.

– Ничего.

Она схватила его за подбородок и заставила посмотреть на нее. Заблудившийся луч света упал на его уши, и у нее все больно сжалось внутри при мысли о потере Богдана и своем одиночестве. Вздыхнув, она обняла Раду и придвинулась к нему. Смог бы их отец выслать и Раду? Позволил бы Мирче, старшему и главному любимцу, убить его?

Бледный весенний день был свеж, и из-за влажных волос Лада покрылась мурашками.

– Держись подальше от Мирчи, – сказала она. – Он подлее отцовского сокола, и гораздо глупее.

Раду подавил смешок.

– И гораздо уродливее.

– И паршивее.

Некоторое время они сидели молча и дышали в унисон, когда Раду снова заговорил.

– Я прятался за портьерой. И слышал, как он разговаривал с боярином из рода Данешти.

За пятнадцать лет до того, как их отец занял трон, десять князей сменили друг друга на троне. Престол по очереди занимали представители двух ветвей: рода Басарабов, теперь вышедшего из конкуренции за неимением наследников нужного возраста, и рода Данешти. Семье Данешти не нравились узурпаторы Дракулешти, поначалу дядя Лады и Раду, Александру, а теперь их отец. И, как доказала история, позиция князя в Валахии была очень шаткой.

– Почему он разговаривал с Данешти?

Раду заерзал, и Лада осознала, что сжимает его плечо так сильно, что ему больно. Она отпустила его, и он сказал:

– Ходят слухи о боярской коалиции. Они упомянули Хуньяди.

Лада вздрогнула. Хуньяди был военным предводителем Трансильвании и Венгрии, стран, граничивших с ними на западе и постоянно сдвигавших свои границы. Если ее отец только клялся победить османов, Хуньяди это *сделал*. Он разбивал султана несколько раз.

Лада не могла решить, что думать о Хуньяди. Он чувствовала, что он был угрозой власти отца, но видела, что Хуньяди был человеком, каким должен был быть ее отец. При любой воз-

можности она подслушивала, краля письма отца и карты с комментариями и изучала стратегии Хуньяди. Он был восхитителен. Как бешеный пес, он кидался в драку в самый неожиданный момент, а потом исчезал, чтобы позже совершить еще один набег на врага. Он обычно побеждал османов, даже при недостатке воинов и оружия.

Он состоял в союзе с Дракулешти, но был опасен, и ему явно не нравилось лицемерие ее отца.

– Я думала, бояре поддерживают связи с османцами. Они подстрекали отца просить их помощи.

– Большинство бояр недоволено. Они видят, насколько успешны кампании Хуньяди против султана, и хотят союзничать только с ним. Ходят разговоры о помолвке.

Лада окоченела.

– Кто? – спросила она, хотя знала ответ.

– Матьяш, сын Хуньяди.

Резкая боль под ногтями заставила Ладу осознать, что она впилась ногтями в подгнивший деревянный пол так сильно, что щепки врезались в ладонь. Ее выдадут замуж ради выгоды. А когда этот союз провалится, как терпели неудачу все брачные союзы, ее оттеснят в сторону. Отправят в монастырь, бросят и удалят от жизни.

В голове Лады возник образ их матери, почти забытой с тех пор, как она их оставила. Память об этой женщине вызывала у нее отвращение. Бессильная. Сломленная. Ее брачный союз рухнул, и теперь она живет, заключенная в чьем-то чужом доме, в другой стране.

Лада еще сильнее прижала руку к щепкам. Теплые капли крови выступили на ладони, поверх шрама, оставшегося от игры с Богданом. Счастливого брачного союза равных людей для нее не будет, никто не согласится отдать бразды правления в ее руки.

– Я никогда не выйду замуж.

Раду внимательно посмотрел на ее раскрытую ладонь и попытался выдернуть из нее занозы. Лада не сопротивлялась. Он обращался с ее ранами гораздо мягче, чем она с его.

– Откуда ты все это знаешь? – с удивлением спросила она. Она полагала, что Раду проводит все дни в мечтаниях. В его больших глазах чаще всего читалась приятная пустота, как будто он не замечал лиц и не слышал разговоров вокруг себя. Пока Лада сосредоточилась на тактиках и Хуньяди, она упустила из виду интриги бояр. Теперь она поняла, что это была ошибка.

– Люди забывают о том, что я слушаю. А я всегда слушаю.

– Мы должны рассказать отцу о планах Мирчи.

Раду замолчал и повесил голову. Ладе не нужно было видеть выражение его лица, чтобы понять его мысли. Он испугался.

– Он рассердится. А Мирча меня убьет. Я боюсь умирать.

– Все когда-нибудь умирают. Я не позволю Мирче тебя убить. Если кто-то тебя и убьет, так это я. Понял?

Раду кивнул и прильнул к ее плечу.

– Ты будешь меня защищать?

– Вплоть до того дня, когда я тебя убью, – она ткнула его пальцем бок, в то место, где он больше всего боялся щекотки, и он вскрикнул, то ли от боли, то ли смеясь. Он бросил на нее взгляд, который она хорошо знала: тот же голодный и отчаянный взгляд, которым она смотрела на отца. Раду любил ее и хотел, чтобы она чувствовала то же самое. Впервые с той минуты, когда его ввели в ее жизнь, безмятежного, красивого и никчемного, она сочла Раду интересным. Возможно, даже полезным. Даже более того: в отсутствие Богдана она почувствовала, будто кто-то ей снова принадлежит.

10

Царапины на лице и руках Раду после нападения Мирчи в саду побледнели и превратились в тонкие красные линии. Он солгал няне, сказав, что споткнулся и упал в кусты. Если бы он рассказал о Мирче, это ни к чему бы не привело.

Но на этот раз... на этот раз это, возможно, и помогло бы ему достичь своей цели. Лада велела ему поговорить с отцом. И он мог это сделать.

Он собирался это сделать.

Раду вышагивал по их комнатам. Информация, которой он обладал, о том, что Мирча готовит заговор с боярами, нанесет вред всем врагам Раду. В первую очередь достанется Мирче. О, Раду был бы счастлив увидеть, как тот лишится благосклонности отца. А члены семьи Данешти были главными зачинщиками сговора, так что если бы их наказали или изгнали, это бы навредило Андрею и Арону.

Конечно, теперь Андрей и Арон избегали его, как избегали почти всех. После их ложного преступления и реального наказания они стали при дворе изгоями. Но Раду до сих пор боялся, что когда-нибудь они ему отомстят. Он попросил няню договориться о том, чтобы мальчика-слугу, который ему помогал, отправили с семьей в Трансильванию, дабы он не смог раскрыть жульничество Раду. Он обманывал себя, уговаривая, что Эмилию там будет лучше, но понимал, что поступил жутко эгоистично.

Но выше всех остальных стремлений – желания навредить Мирче, наказать Данешти – стояло одно: если Раду героически раскроет заговор, отец, наконец, его заметит. Он поймет, что Раду умен, что Раду полезен. И Лада будет им гордиться.

Лада вошла в их комнаты и посмотрела на него:

– Сядь. У меня от тебя голова кружится.

Он был слишком возбужден, чтобы садиться.

– Я расскажу отцу о Мирче и сговоре бояр. Он будет так мною гордиться!

– Он разгневается.

– Но не на меня!

– Думаешь, он скажет тебе спасибо? И нежно обнимет, встревоженный вестью о том, что его собственный сын замышляет что-то против него? Ты – глупец.

Хрупкая надежда Раду таяла на глазах. Он покачал головой.

– Он будет рад узнать! Он меня поблагодарит!

– Мы никогда не можем предсказать, как отреагирует наш отец. – Лада посмотрела в угол, где под стулом стояла нянина корзинка для штопки. Няня постоянно штопала носки Богдана, ругая его за то, что он так быстро их изнашивает. Теперь этой задачи перед ней больше не стояло.

Раду охватили темные мысли.

– Ты ревнуешь. Ты хочешь, чтобы отец видел только тебя.

Лада с горечью рассмеялась.

– Я не хочу быть человеком, который откроет отцу глаза на заговор, лишаящий его остатков власти. А ты – давай, действуй. – Она, громко топая, вышла из комнаты.

Раду нашел ее позже в тот же день. Она стояла на узком забранном стеной карнизе, окружавшем башню.

– Ты сказал ему? – спросила она, не глядя на брата.

Раду не ответил.

– Трус. – Но она встала так, чтобы он уместился рядом с ней. – Мы найдем способ раскрыть правду, не вмешивая тебя в это дело. Ты же не хочешь, чтобы отец считал тебя соучастником.

– Но как?

– Нужно немного подождать. У нас есть информация, а значит, есть власть. Мы должны подумать о... – она осеклась и прищурилась, разглядывая что-то вдаль.

По главной улице, в окружении солдат скакал мужчина. Когда он приблизился, Раду заметил, что он улыбается, подняв одну ладонь в знак дружбы. Его свита, мрачные и суровые воины, руки которых нависли над саблями, выглядели менее приветливо. Несколько флагов, которые Раду не распознал, безвольно свисали на флагштоках в тылу группы.

– Кто это такой?

– Хуньяди, – сказала Лада, и это слово сорвалось с ее губ как ругательство.

Они наблюдали за происходящим с башни и, хотя Раду знал, что должен ненавидеть Хуньяди, он ощущал благоговение. Хуньяди въезжал в чужое королевство, но люди, мимо которых он проезжал, улыбались и кланялись. Когда отец Раду скакал верхом, он сутулился и сильно наклонялся вперед. Чтобы быстрее добраться до цели или чтобы сделаться более трудной мишенью – Раду точно не знал. Хуньяди сидел в своем седле прямо, расправив плечи, выпятив грудь навстречу миру, бросая вызов стрелам убийц.

– Мы опоздали, – сказала Лада. – Теперь твоя информация ничего не стоит.

Веки Раду отяжелели от стыда. Ему никогда не удавалось быть полезным своему отцу, и теперь он снова потерпел неудачу из-за своего малодушия и промедления.

Лада повернулась к двери.

– Что ж, посмотрим, какую судьбу сулит нам гроза Трансильвании.

Лада бросилась вниз по ступеням башни и влетела в главный зал прежде, чем туда успел войти Хуньяди. Раду, спотыкаясь, старался от нее не отставать. Она замерла на пороге, а Раду прокрался мимо нее, в темный угол, в котором часто стоял незамеченным. Она больно ткнула его локтем в бок, и он посторонился, освобождая для нее место.

Через несколько минут в зал примчался их отец. Его шапка сидела криво, а усы были завиты наспех: Раду ощутил запах масла. Он сел на свой богато украшенный трон и поправил шапку, все еще тяжело дыша.

Он вспотел.

В этот момент Раду понял, что его отец больше не управляет Валахией. Возможно, он никогда ею не управлял. Горький вкус ароматизированного масла отца осел на языке Раду, когда Янош Хуньяди уверенно вошел в зал.

– Он великолепен, – прошептал Раду.

– Он – конец всех нас, – ответила Лада.

Когда отец вытянул его из постели, Раду был уверен, что ему это снится. В полусне, при свете свечей он поспешно оделся. Его отец что-то бормотал, произносил странные, непонятные слова. Он знал, что это сон, потому что прежде отец никогда не бывал в его комнате, никогда не помогал ему одеваться и не спрашивал, не замерзнет ли он. Раду было двенадцать лет, и он был достаточно взрослым, чтобы одеваться самостоятельно, но он принял помощь отца.

Он не станет добровольно прерывать этот сон, ни за что.

И только когда они вышли на улицу, и ночной воздух резко ударил им в лицо, а Мирча привел лошадей – только тогда Раду запаниковал. Его и Ладу подняли в седла, хотя они умели

делать это сами. Неподалеку ждали несколько янычар, над головами их коней поднимались мягкие белые облака пара.

– Куда мы едем? – прошептал Раду. Никто не просил его вести себя тихо, но все вокруг покрывала завеса таинственности и угрозы, и он не хотел ее нарушать.

Никто не ответил.

Лошади двинулись вперед. В центре отряда катилась телега, доверху забитая припасами, а вокруг скакали янычары. Раду оглянулся и увидел Мирчу, который стоял с факелом и глядел им вслед. Он оставался здесь. Он улыбался.

Раду вздрогнул. Ему не было страшно, пока он не увидел торжество на лице Мирчи. А то, что делало его брата таким счастливым, не предвещало ничего хорошего.

Волнение улеглось, и Раду задремал в седле. Несколько раз он резко пробуждался от того, что начинал соскальзывать с лошади. В один из разов его удержала чья-то рука, и он обнаружил рядом с собой Лазаря, который держал и свои поводья, и поводья Раду. Успокоенный, Раду плотнее завернулся в плащ и растворился в убаюкивающем цоканье копыт и поскрипывании кожи.

Они разбили лагерь после восхода солнца. Отряд был маленьким. Несколько янычар, пара слуг, извозчик, управлявший телегой, Лада и отец.

Раду потер затекшую шею и вдруг осознал, что с ними нет няни.

– Лада! – он потянул ее за рукав, прервав ее яростную попытку заплести волосы в косу. – Они забыли няню!

Она посмотрела на него. Ее глаза покраснели от усталости. Она осторожно осмотрела лагерь, следя за движениями солдат.

– Она не поехала.

Раду с трудом сглотнул. В горле образовался болезненный ком. Он еще ни разу, ни на один день не оставался без своей няни. Здесь, с отцом, и без няни? У него возникло такое же ощущение, как тогда, на льду, когда он почувствовал, как лед шевелится под ним, угрожая утопить в холодном кошмаре.

– Как долго нас не будет дома?

Лада шагнула мимо него, вырывая свой сверток с вещами из рук Лазаря.

– Это мое, – огрызнулась она. – *Никогда* не прикасайтесь к моим вещам. – Она развернулась и прошествовала прочь, к палатке отца.

Лазарь преувеличенно низко поклонился и подмигнул Раду.

– Какая милашка твоя сестра.

Губы Раду впервые за весь день растянулись в улыбке.

– Вам стоит на нее взглянуть, когда она хорошо выспится.

– Тогда она добрее?

– О нет, гораздо хуже.

Лазарь рассмеялся, и Раду стало легче. Лазарь подал знак, чтобы он следовал за ним, и Раду пошел помогать янычарам выгружать вещи и разбивать скромный, но удобный лагерь.

Они провели в путешествии больше дней, чем Раду мог сосчитать. Поначалу он беспокоился, думая о том, как отец относится к его времяпрепровождению, но отец почти не разговаривал ни с ним, ни с Ладой. Он носил свою тревогу в сумраке нахмуренных бровей и заку-

тывался в нее плотнее, чем в плащ. Он бормотал что-то, словно заучивая какую-то речь, и отмахивался от всех, кто пытался приблизиться.

Ничто не мешало Раду свободно ехать с янычарами. Он любил их непрерывные шутки, хвастливые истории, простоту и спокойствие, с которыми они держались в седле, как будто бы они не убегали (Раду подозревал, что именно это и стало причиной их поездки, хотя никто ему этого не говорил), а отправились в увлекательное путешествие.

– Твоя сестра ездит верхом как мужчина, – заметил однажды один из янычар, спокойный болгарин со старым шрамом на подбородке, когда они проезжали по каменистой долине.

Раду пожал плечами.

– Они пытались научить ее ездить как леди, но она отказалась.

– Я мог бы научить ее ездить верхом как леди, – сказал болгарин изменившимся тоном. Другие янычары рассмеялись, и Раду неловко заерзал, уверенный, что что-то упустил, но не понимая, что именно.

– Слишком молода, – пренебрежительно заметил Лазарь.

– Слишком уродлива, – добавил другой солдат.

Раду свирепо огляделся, но он точно не знал, кто это произнес. Он перевел взгляд на сестру: она ехала верхом, высокая, горделивая и одинокая.

– Она одолеет в бою любого из вас. – Солдаты рассмеялись, а Раду нахмурился. – Я серьезно. Каждого из вас.

– Она – *девочка*, – произнес болгарин, как будто и говорить тут было больше не о чем.

– Шшш... – Лазарь покачал головой. – Думаю, никто ей об этом не сказал. Мы же не хотим, чтобы она узнала об этом от нас. – Он усмехнулся Раду, как будто приглашая разделить его шутку, и Раду улыбнулся, хотя на этот раз эта улыбка янычарам стоила ему немалых усилий.

После этого случая Раду почти всегда скакал рядом с Ладой. Она делала вид, что не замечает его, но рядом с ним ее плечи были немного более расслаблены. Ее ладони часто подбирались к маленькому кожаному мешочку, завязанному вокруг шеи и заправленному за воротник. Раду хотелось узнать, что в нем, но он понимал, что лучше не спрашивать.

Они шли на юг, через Болгарию, старательно обходя города и предпочитая им долины и крутые перевалы. Раду собрал достаточно информации и догадался, что они направляются в Эдирне, столицу Османской империи. Чем ближе к ней они подходили, тем глубже погружался в плащ их отец. Он говорил только тогда, когда это было необходимо, и бросал тяжелые, тревожные взгляды на Ладу и Раду поверх вечернего костра.

– Я отправлю их назад, – сказал он спустя несколько ночей путешествия. – Не хочу, чтобы они были со мной. Из-за них мы едем слишком медленно, а у мальчишки не хватит сил на весь путь. Он всегда был слишком слабым.

Раду не понимал, о ком говорит отец, пока все янычары не обернулись и не устали на него и Ладу. Что он сделал не так? Раду никому не говорил о том, как тоскует по дому и как жаждет оказаться рядом с няней. И совершенно точно никто не видел, как первые две ночи он тихонько проплакал. Он ехал верхом, не жалуясь, помогал разбивать и собирать лагерь и вообще все делал правильно!

Он ожидал, что Лада поспорит с отцом и скажет, что Раду справится, но она молчала и не сводила глаз с огня. Их отец смотрел куда угодно, только не на них, и его лицо было маской во тьме.

Лазарь положил ладонь на плечо Раду.

– Раду в полном порядке. Он ездит верхом как бывалый солдат. Кроме того, мы не сможем выделить для них охрану. Гостеприимство султана не сравнится ни с чем. Вы же не хотите лишить своих детей возможности испытать на себе его щедрость.

Отец Раду фыркнул и отвернулся, глядя в ночь.

– Хорошо. Мне все равно.

Он ушел в свою палатку и до конца поездки не смотрел на них и не разговаривал с ними. Раду пытался спросить об этом Ладу, но она тоже молчала и выглядела очень озабоченной.

Когда они, наконец, поднялись на вершину холма и увидели распростершуюся перед ними Эдирне, сердце Раду наполнилось радостью и изумлением. Здания в городе были из белого камня, а крыши – красные. Вдоль улиц зеленели деревья, а сами улицы вели через весь город к зданию со шпилем, таким высоким, что Раду удивился, как он не царапает небесную синеву. На его крыше было несколько куполов, и другой, более короткий шпиль поднимался, приветствуя их отряд.

По соседству располагалось большое представительное здание, со стенами в красно-белую полоску из чередующихся кирпича и камня, но Раду не мог отвести взгляд от шпиля, так доверчиво тянущихся к небу.

Они прибыли на место.

11

1448 год. Эдирне, Османская империя

Влад шел за султаном Мурадом, слегка сгорбившись от частых поклонов. Лада наблюдала за происходящим с рассеянной отрешенностью. Раду был рядом. Он прильнул к ней, как малое дитя. Ей приходилось отрывать его ладонь от своей руки, потому что он мял рукав ее платья из дорогой ткани. Он считал их путешествие игрой и подружился с солдатами. С *вражескими* солдатами. Раду был глупцом. Они совершали не путешествие, а *побег*. Оставив трон в алчных руках Мирчи.

Мирчи, который давно заискивал перед боярами и Хуньяди. Мирчи, который пообещал нести титул князя, ожидая возвращения отца.

Лада не сомневалась, что для возвращения ее отцу потребуется армия, и не только против бояр и Хуньяди.

Несколько драгоценных часов Лада лелеяла надежду встретить здесь Богдана, но надежда испарилась. Их провели в комнаты, приготовленные только для них. Роскошные, благоухающие и устланные подушками тюрьмы, которые последние два дня им не разрешалось покидать. Влад непрерывно расхаживал взад-вперед, бормоча и репетируя речи. Его шелковая нижняя рубаха пропиталась потом. Раду смотрел в окно. Оно было обрамлено металлической рамой, которая извивалась, как виноградная лоза. Лада наблюдала за отцом. Его нити оборвались. Оставалась лишь одна. Одна-единственная нить, которую он отчаянно надеялся обмотать вокруг султана и его сомнительной поддержки.

Лада потянула Раду за руку, заставляя идти быстрее. Она боялась, что они отстанут от группы взрослых. Совсем не такого поведения Лада ожидала от Влада Дракулы. От ее отца. От дракона. Дракон не ползал на брюхе перед врагами, умоляя о помощи. Дракон не клялся избавить мир от неверных, чтобы потом пригласить их в свой дом. Дракон не бежал из своей страны среди ночи, как преступник.

Дракон сжег бы все вокруг себя дотла.

Группа остановилась на балконе с видом на площадь, покрытую плиткой ярко-синего и желтого цветов, выложенной спиралями. Эдирне была красива – украшенная орнаментами, величавая, ошеломляюще элегантная. Лада тешила себя, представляя, как сравнивает ее с землей.

– Тогда все решено, – сказал султан, не глядя на ее отца. Его глаза были темными точками под ухоженными бровями, поседевшими от возраста. Он купался в шелках, а голова была завернута в громадный тюрбан. Он провел ладонью по бороде; на пальцах сверкнули кольца с драгоценными камнями. – Я отправлю вас назад с охраной из янычар и полной поддержкой Османского трона. Вы будете платить ежегодную дань в размере десяти тысяч золотых дукаатов и пяти сотен янычарских рекрутов за честь нашей протекции. Дайте гарантию, что наши интересы будут защищаться вдоль ваших венгерских и трансильванских границ.

Лада перестала слушать, когда отец поклонился и принялся поспешно давать обещания и благодарить. Султан ушел, оставив одного из своих советников, Халил-пашу, чтобы обсудить последние детали договора.

Ей было уже все равно. Несмотря на всю свою красоту, Эдирне была враждебной и холодной, а земля под Ладой – чужой и равнодушной. Пять раз в день голос под ее окном выкрикивал песню на незнакомом языке, и звуки этой песни, от которой было никуда не деться, ранили ее как клинок. Раду приходил в восторг каждый раз, когда начиналось пение. А Лада затыкала уши.

Валахия была где-то там, далеко. Ее Валахия. И хотя она презирала отца за его слабость, но эта слабость, по крайней мере, вернет ее обратно домой.

Несколько солдат вытащили в центр площади двух связанных мужчин. Лада заметила в земле углубления и то, что плитки между ними были перепачканы чем-то темным. Заключенных положили на землю рядом с отверстиями. На площадь вышел мужчина, одетый в свободное лиловое платье, с ярко-красным, украшенным перьями тюрбаном. За ним следовало много солдат, которые несли два длинных заостренных кола.

– Ах. – Халил-паша прервал Влада, бесконечно восхвалявшего султана. Хотя ее отец был князем, а Халил-паша – скорее османским эквивалентом знати, этот мужчина вел себя так, будто Влад должен относиться к нему с почтением. Что Влад и делал.

Халил-паша махнул рукой в сторону двора.

– Вот главный садовник.

Лада подумала, что неправильно перевела его слова. Мужчина совсем не походил на садовника, да и цветов на пустой площади не было.

Халил-паша не сводил глаз с площади.

– В качестве еще одной благосклонности наш двор возьмет под свой надзор образование ваших детей.

Кровь отхлынула от отцовского лица.

– Вы слишком добры. Я не могу принять такое предложение.

– Учить их – радость для нас.

Влад посмотрел на площадь, где с двоих связанных мужчин сорвали одежду. Он поймал вопросительный взгляд Лады, и его глаза распахнулись с выражением, какого она в них прежде не замечала.

– Тогда Раду, – поспешно выпалил он. – Девочка должна пойти в монастырь. Она слишком своевольна и упряма, чтобы учиться. Кроме того, образование женщин – пустая трата времени.

При других обстоятельствах подобное утверждение привело бы Ладу в ярость, но теперь она была расстроена выражением его лица. В прошлом году она подошла к скотобойне, привлеченная шумом свиней. Она думала, что они визжат только тогда, когда их убивают, но они начинали визжать и закатывать от ужаса глаза уже почуяв запах крови своих однопометных сородичей.

Именно такое выражение проступало сквозь сдержанные черты ее отца, выдаваемое лишь белками вокруг темной радужной оболочки.

– Гм-м... – Халил-паша задумчиво погладил густую бороду. – Нам бы не хотелось, чтобы несчастливый брак продвинул ваше верноподданство на запад. Вы уже не единожды забывали свои обещания. Кроме того, девочка отлично говорит по-турецки. Я заметил, что она понимает все наши разговоры. В ее образование было вложено время и внимание. И очень много *любви*. Наши дети – самое ценное, что у нас есть, не правда ли? Султан хотел Раду, но я настаиваю на том, чтобы мы занялись образованием их обоих.

Отец резко сглотнул и долго смотрел ей в глаза. Затем отвернулся и кивнул.

– Тогда все решено, – сказал Халил-паша. – Мы оставим Раду и Ладиславу у нас, и они будут в безопасности до тех пор, пока вы не забываете служить нашим интересам на троне Валахии.

Раду посмотрел на Ладу, пытаясь вникнуть в то, что только что услышал. Лада отлично поняла, что сказал мужчина. Их жизни имели ценность лишь до тех пор, пока их отец выполняет то, что ему говорят. И вместо того чтобы просто взять Раду, Халил-паша понял, чем ее отец дорожит по-настоящему.

Все эти годы, в течение которых она с трудом добивалась любви и признания отца, привели ее сюда.

И сделали заключенной.

Все нити были в руках османов, и петлю из них они накинули на шею Влада. Лада знала, что ее брак, ее будущее было инструментом для торгов, но она никогда не задумывалась о том, что предметом торга и обмена может быть сама жизнь. И что ее отец на это согласится.

– Ах! Они готовы. Ваше образование начинается прямо сейчас, молодые люди. Смотрите, садовник пресекает измену.

Они смотрели, как главный садовник сделал в теле каждого мужчины надрез и ловким и привычным движением вставил в них длинные и толстые деревянные палки. Мужчин подняли в воздух, а колья установили в отверстиях в земле. Лада наблюдала за тем, как мужчины под собственным весом медленно сползали вниз, а колья пробирались все выше вдоль их позвоночника, пока, наконец, не вышли наружу через горло.

Она продолжала смотреть, но теперь под другим углом. Ей нужно было взглянуть на это иначе. Мужчины перед ней были не настоящие. Они не имели значения. Все происходящее было нереальным. Их крики отвлекали, но она пыталась думать. Она должна была сосредоточиться на своих нитях. Она схватилась за мешочек на шее и не отрываясь смотрела на мужчин, пока они не смазались, превратившись в нечеткие силуэты. Там, на площади, они были не реальными.

Она чувствовала, что Раду крепко сжимает ее руку. Слышала его взволнованное дыхание, прерываемое всхлипами. Она видела мучение на лице отца. Какие бы коварные сделки он ни планировал с этим новым договором, он больше не имел власти. Он совершил роковую ошибку, любя своих детей – по крайней мере, Ладу – достаточно сильно для того, чтобы их смогли использовать против него.

Любовь и жизнь – это то, что в погоне за властью может быть даровано и отнято в мгновение ока. Отказаться от своей жизни она не могла. А вот от любви...

Лада отпустила руку Раду.

Она отодвинулась от него на шаг и наблюдала, как садовник завершил свою работу.

Лада ненавидела себя за то, что любила поесть. Изысканные мясные блюда, сдобренные обжигающими специями, жареные овощи, свежие фрукты – каждый кусочек, которым она наслаждалась, ощущался как измена. Она должна скучать по всему, что было в Валахии. Она должна ненавидеть все, что есть в Эдирне.

Но – ох! – какими же сладкими были фрукты! Должно быть, в ней все же оставалось что-то от Евы.

Здесьняя одежда тоже была необыкновенного качества. Легкое платье энтари надевали поверх струящихся юбок и тканых туник. Все наряды были яркими и мягкими и почти не сковывали движений, в отличие от фасонов в Тырговиште. В этой одежде было проще двигаться. В ней было легче дышать.

Дышать здесь должно было быть труднее, ведь этот воздух вдыхали ее враги. Лада сопротивлялась, как могла: носила волосы распущенными, а не элегантно прикрытыми, как было принято, продолжала обуваться в свои сапоги из Валахии и никогда не снимала с шеи драгоценный крошечный мешочек, держа его возле сердца.

Никакие яства и наряды не могли заменить того, что она оставила в Валахии, и она не собиралась забывать свою страну.

Она пробиралась сквозь чащу дат, повторяя их так громко, как только могла, чтобы помешать учителю. В этот момент он объяснял им военную структуру империи. Это было куда лучше религиозных тем, но все же довольно нудно.

– А чем спаги отличаются от янычар? – на лбу Раду от усердия выступили морщины. Он всеми силами пытался разобраться с поступающей информацией.

Наставник явно скучал. Он всегда выглядел либо скучающим, либо озлобленным. Это было единственное, что, по мнению Лады, их объединяло.

– Сипахи – это местные гарнизоны, граждане Османской империи. Это не регулярные войска. Их вызывают, когда мы в них нуждаемся. Местные вали маленьких областей или беи крупных городов руководят ими, как назначено султаном. Янычары – это регулярные войска; их единственная роль – быть солдатами.

– Рабами, – поправила Лада.

– Им дают образование, им платят, их тренируют, и они – лучшие в мире воины.

– Рабы, – повторила Лада, не меняя интонации. Раду заерзал рядом с ней, но она на него не смотрела.

– Янычары могут подняться до ослепительных высот. Выдающихся воинов мы признаем и награждаем. Некоторые янычары даже становятся беями. Как Искандер-бей, который... – наставник умолк, как будто ощутив во рту неприятный вкус.

Лада села ровно, наконец-то заинтригованная.

– Кто такой Искандер-бей?

– Это плохой пример. Я совсем забыл о последних событиях. Он был фаворитом султана, его повысили до бея и передали ему город Крую в Албании, на его родине. Но с тех пор... он отказывался сотрудничать. Это глубочайшее предательство и очень постыдный поступок.

Лада рассмеялась:

– То есть ваш султан выучил его и натренировал, а теперь он использует эти знания для борьбы с вами? По-моему, он – замечательный пример.

Их наставник с выражением отвращения на лице откинулся на стуле и уставился на Ладу. Раду нервно игрался с пером.

– Давайте продолжим. Повторите пять столпов ислама.

– Нет. Мне очень нравится эта тема. Я хочу узнать больше об Искандер-бее.

Наставник достал деревянный прут и угрожающе хлестнул им себя по ноге. Руки Лады были бордовыми от ушибов и желтыми в тех местах, которые еще не были покрыты свежими синяками. Несомненно, это было ненадолго. Она откинулась назад и томно потянулась.

– Похоже, нам следует зайти в темницу, – прорычал наставник.

– Похоже, следует. – В дополнение к просмотру публичных казней наставник часто водил Ладу и Раду в тюрьмы и камеры для пыток. В сырых и душных коридорах казематов они проводили едва ли не больше времени, чем в своих комнатах.

Раду постоянно болел. Под запавшими глазами темнели тени. Он почти ничего не ел, и его мучили кошмары.

Лада от таких зрелищ не страдала. Иногда она давала знать своим учителям, когда тот или иной метод пытки оказывался менее эффективным, чем остальные. Наставники скрежетали зубами и шептались, что у нее нет души.

У нее была душа. По крайней мере, она была в этом уверена. Но в первый же день, глядя на главного садовника, она научилась смотреть на людей так, как это делал султан. Как на предметы. Их можно было толкать, тащить, кормить и мучить голодом, пускать им кровь и убивать самыми разными способами, в зависимости от того, какой тип власти ты хочешь использовать или приобрести. Порой какие-то образы – глаза на грязном, искаженном яростью лице, глаза, глядящие на нее в упор или пара ног, слишком маленьких для того, чтобы принадлежать взрослому, торчащая из темного угла, – производили на нее впечатление. Мучали ее и не отпускали. Проникали за шторы, которые она плотно задернула над этой частью своего разума.

Но она умела освободиться от этих видений. Она *должна была* от них освободиться. Потому что если ей не было дела до того, что ей показывают, или как ее ранят, то этим муж-

чинам, этим нелепым наставникам, этому мрачному двору, оставался лишь один способ ею управлять: убив ее.

Сделать это прямо сейчас им не разрешалось, иначе бы наставник задушил ее очень давно.

– Пришло время продолжить наши занятия. Повторите пять столпов ислама, – потребовал учитель.

Лада зевнула.

Раду заговорил вместо нее, дав исчерпывающий и безукоризненный ответ. Их православное воспитание заключалось в посещении служб в дворцовой часовне раз в неделю. Ладе регулярные богослужения казались невыносимыми, но этой весной она к своему удивлению вспоминала то время с тоской.

Ее отец старательно делал пожертвования в пользу церкви, надеясь купить милость Божью точно так же, как покупал расположение бояр и султанов. В результате их пригласили провести неделю в монастыре на острове посреди озера Снагов. Лодка отчалила от большой земли, и Лада испытала странное чувство освобождения. Умиротворения. На острове были лишь молчаливые монахи, гораздо менее устрашающие, чем патриархи или священники, искусно прикрывающиеся торжественностью и традициями. Она гуляла одна, по всему побережью острова, воспринимая воду как барьер между нею и давлением Тырговиште. Ее крошечная келья в самом сердце монастыря была украшена образами святых и Христа, которые безучастно смотрели на нее из позолоченных рам. Ей не было до них никакого дела, им не было дела до нее, и она спала так крепко, как никогда прежде.

Здесь же покоя не было, как и возможности укрыться от мира. Лада страстно его хотела. Вместо этого ее заставляли изучать религию, как будто это был такой же предмет, как иностранные языки или история. Это мучило и бесило ее. Христианство, по крайней мере, активно отговаривало их от самостоятельного прочтения Библии – ее изучение было сферой духовенства. Единственное, что требовалось от Лады – притворяться, что она слушает.

Здесь она отказывалась даже притворяться. Наставник устало кивнул, выслушав ответ Раду, и выпрямил спину. Его глаза снова заблестели.

Лада делала вид, что этого не замечает, но каждый ее нерв был напряжен: она ждала, какое наказание за дерзость придумает их учитель.

– Ладислава дала неверный ответ. – Наставник поднял руку, на его пальцах сверкнули толстые и тяжелые перстни. Он резко ударил Раду по лицу. Голова Раду метнулась в сторону, и он упал со стула, вскрикнув от неожиданности и боли.

Лада готова была его убить. Она не мешкая отрезала бы ему руку за то, что он ударил ее брата. Она бы...

Она овладела собой прежде, чем наставник поднял на нее глаза. Его грудь высоко вздымалась, глаза сверкали. Он ждал ее реакции. Если она убьет его, они убьют ее, и не останется никого, кто будет защищать глупого, беспомощного Раду. Ее глупого, беспомощного Раду. А если она разозлится, наставник поймет – все они поймут, – как ею управлять. Точно так же, как они поняли, как управлять ее отцом. Точно так же, как янычары поняли, что можно сделать ей больно, забрав у нее Богдана.

Она бесстрастно подняла брови.

– Каковы пять столпов ислама? – спросил наставник, когда Раду снова сел на стул. В глазах мальчика стояли слезы, на лице застыло выражение ужаса.

Лада улыбнулась и покачала головой.

Наставник снова ударил Раду.

Раду лежал на земле и, задыхаясь, скороговоркой отвечал на вопрос. Разбитая и опухшая губа искажала его слова, а Лада не сводила глаз с лица наставника. Она продолжала мило улыбаться, ее руки расслабленно лежали на коленях, она полностью себя контролировала. Контроль

– это власть. У нее никто этого не отнимет. Наконец, наставник поймет, что она позволит ему ударить Раду снова, снова и снова.

И только тогда Раду будет в безопасности.

12

Раду свернулся калачиком, прислонившись к двери Лады. Он убаюкивал свою руку, на его ладони вздулись рубцы. Его губа стала заживать, но лишь потому, что в последнее время наставник уделял особое внимание его рукам.

Как она могла так поступить?

Как могла допустить, чтобы его избивали по ее вине?

Она всегда была его защитницей. Даже будучи жестокой, она никогда не позволяла другим делать ему больно. Несмотря на все, что они видели с тех пор, как прибыли в Эдирне, Раду никогда по-настоящему не боялся и не чувствовал себя одиноким, потому что он знал – *знал!* – что Лада уберезет его от любой настоящей опасности.

Он плакал, потому что рядом не было никого, кто мог бы его увидеть. Соленые слезы разъедали раненую губу.

Может быть, она знала? Может быть, она поняла, что он заинтересовался исламом, что он восхищен исламом и даже молится тайком? Наверняка причина в этом. Она бы не позволила избивать его по другой причине. Каждый раз, когда наставник спрашивал про ислам, она отказывалась отвечать, хотя знала, что из-за этого пострадает Раду.

Он хотел ей сказать, ему *нужно* было ей сказать, что он сожалеет. Что прекратит изучать ислам. Но... может быть, ему удастся объяснить ей, что он чувствует. Что основы этой религии кажутся ему гораздо более осмысленными, чем бесконечный ряд святых и икон, который был у них в Тырговиште. Он никогда толком не понимал, что слышал в церкви, латынь была настолько формальным языком, что создавала барьер между ним и Богом. В религии всюду были барьеры между Раду и Богом – между ними стоял Христос, первородный грех и сама его душа.

Бог всегда казался ему похожим на отца – далекий, непостижимый, осуждающий. Раду боялся, что, как всегда, что бы он ни делал, этого не хватит, чтобы завоевать любовь вездесущего и непознаваемого Бога.

Ислам казался ему осмысленным, нравился своей щедрой простотой. Но если Ладе хотелось, чтобы он ненавидел ислам, он будет его ненавидеть. Чтобы вернуть свою защитницу, он сделает что угодно.

Он утер слезы, пряча свою слабость, и открыл дверь.

Одетая лишь в одну длинную рубаху, Лада сторбилась у камина. Он был обрамлен не камнем, как камин в Тырговиште, а белым изразцом с повторяющимся узором с восьмиконечной звездой. Было тепло, но Лада зачем-то разожгла яркий огонь. Она закидывала в него свое ночное облачение. Рядом с ней на полу лежали одеяла с ее кровати. На них были красные пятна.

– Лада? – Раду вошел в комнату и огляделся в поисках ее противника, в поисках ее ран. – Что случилось?

Она обернулась к нему. Ее взгляд был диким, а глаза полны слез.

– Убирайся! – крикнула она.

– Но...

– Убирайся *вон!*

Пошатнувшись, как от удара, Раду выбежал из ее комнаты, затем пробежал насквозь их общие покои. Он бежал и не останавливался, пока не выбрался из бесконечного лабиринта дворца и не оказался на улице в толпе людей.

Он потерялся.

Он продолжал идти, бесцельно бродя по кругу, ошеломленный и оцепеневший. Раздался знакомый призыв к молитве, на этот раз ближе от Раду, чем когда-либо. Он резко остановился

и, наконец, взглянул вверх, увидев башни и шпили мечети. Они рвались в небо, но он не мог за ними последовать: сердце тянуло его к земле, будто было налито свинцом.

На его плечо мягко опустилась чья-то ладонь. Он вздрогнул и съежился от страха.

Мужчина – на его голове был завернут простой белый тюрбан, а одежда была из дорогой ткани, но практичного покроя – наклонился так, чтобы его глаза оказались на одном уровне с глазами Раду. Увидев разбитое лицо Раду, мужчина на мгновение удивленно распахнул глаза, но затем улыбнулся. Он вряд ли был старше Мирчи, но у него было доброе лицо, и от того оно казалось мудрым.

– Тебе помочь?

Раду покачал головой, затем кивнул, после чего снова покачал головой.

– Помолишься вместе со мной?

Прежде Раду никогда не молился – по крайней мере, так. Он видел, как это делает учитель, но наблюдать за ним было неловко и казалось навязчивым, поэтому Раду обычно отворачивался. Однако с тех пор, как они приехали в Эдирне, ему всегда хотелось зайти в мечеть.

– Я не умею, – сказал Раду, опустив глаза и стыдливо покраснев.

– Мы положим наши коврики сзади. Ты можешь смотреть на меня. – Он повел Раду вверх по лестнице. Там был фонтан с прозрачной водой. Мужчина остановился и какими-то особыми движениями омыл руки. Он улыбнулся и кивнул, глядя на руки Раду. Раду осторожно повторил за ним.

Покончив с этим, мужчина отстегнул со спины коврик. Раду запаниковал, потому что у него коврика не было, но мужчина передал свой коврик Раду, а сам достал себе один из груды потрепанных. Не поднимая глаз, Раду вошел вслед за ним в просторное помещение, в котором мужчины сидели рядами в спокойной сосредоточенности.

Мужчина отвел Раду в угол и показал, куда положить коврик. Раду скопировал его позу и встал на колени. Он нервничал и жалел о том, что пришел сюда. В помещении находились самые разные мужчины, старые и молодые, в очень дорогих одеждах и в донельзя поношенных и заштопанных. Каждому здесь были рады, каждому находилось место. Но они узнают, что у него нет права здесь находиться. Возможно, они его тоже побьют.

Началась молитва.

Раду в изумлении наблюдал за тем, как мужчины закрыли глаза и стали совершать одни и те же движения. Они молились вместе, их тела и голоса превратились в единое целое.

Ничего красивее он в жизни не видел.

Впервые ему захотелось не наблюдать, а стать частью происходящего. Одним глазом подсматривая за движениями своего друга, Раду присоединился к молитве. Вскоре он потерялся в ее ритме и почувствовал умиротворение от того, что стал крошечной частью целого. Слова, которые он понимал лишь отчасти, все равно пробуждали в нем *чувства* и устремлялись ввысь, увлекая за собой его разбитую и раненую душу.

Когда молитва закончилась, он смотрел вверх, вверх, вверх. Высоко над ним парил потолок, испещренный бесчисленными точками звезд, которые увлекали, завораживали взгляд, пока, наконец, не выпускали его в открытый минарет. Навстречу небесам.

– Ты в порядке?

Раду испуганно посмотрел на своего друга, протер глаза и улыбнулся.

– Да. Спасибо.

Мужчина протянул руку, помогая Раду подняться. Они вернули на место коврик, который мужчина брал напрокат, и вышли на улицу.

– Как тебя зовут? – спросил мужчина.

– Раду Драгвлиа.

– А я – Кумал Вали. Пойдем, пообедаешь со мной. У тебя такой вид, будто тебе нужно с кем-то поговорить.

Закоулками Кумал вывел Раду к району с высокими и узкими каменными домами. Они стояли достаточно близко от дворца, чтобы считаться важными, но недостаточно близко, чтобы составлять часть дворцового ансамбля. Раду понял, что вали – это не имя мужчины, а скорее его титул. Он точно был важной персоной, возможно, другом султана.

В дверях их встретил слуга. Он поклонился и взял коврик Кумала.

– Мой друг Раду присоединится к нам, – сказал Кумал. Они прошли за слугой в комнату в задней части дома. Сквозь остекленные стены открывался вид на скромный, но ухоженный садик. Там стоял низкий стол, окруженный подушками. Кумал сел и жестом предложил Раду последовать его примеру.

Сидя за столом напротив Кумала, незнакомого человека, Раду вдруг встревожился и подумал, не совершил ли ужасную глупость. Никто не знал, где он находится. Хуже того – он даже не знал, позволено ли ему покидать дворец. А Кумал был должностным лицом. Вдруг Раду накажут? Или убьют?

Кумал оторвал кусок теплого хлеба и передал его Раду. Не поднимая глаз, он заговорил:

– Я бы хотел узнать, кто тебе сделал больно и могу ли я чем-то помочь.

Раду покачал головой и встал.

– Мне нужно идти.

– Пожалуйста, останься. Если ты не можешь говорить о том, что произошло, тогда давай поговорим о чем-нибудь другом. Тебе понравилась молитва?

Раду медленно сел обратно и закрыл глаза, пытаясь вспомнить свои ощущения.

– Молитва была... чудесная.

– Я тоже так считаю. Я всегда с нетерпением жду, когда окажусь в городе и смогу помолиться вместе со всеми моими братьями.

– Вы живете не здесь?

– Нет, у меня имение за городом. Я нечасто бываю в Эдирне, из-за домашних обязанностей у меня мало свободного времени. Вот и сегодня вечером я уезжаю.

Раду сник. Он не имел права ожидать от Кумала большего, но краткие мгновения надежды, которые он ощущал в его присутствии, казались теперь жестоким поддразниванием.

– Ты не осман.

Раду покачал головой:

– Я из Валахии.

Кумал задумчиво нахмурился.

– Однако ты не янычар.

– Мой отец – Влад Дракул, правитель Валахии. Он оставил здесь меня и мою сестру для... образования.

Кумал понимающе кивнул, но там, где Раду боялся увидеть злость или насмешку, была лишь симпатия.

– Ясно. Судя по всему, твои учителя используют не самые щадящие методы.

Раду смущенно поднес руку к его лицу.

Кумал взял его ладонь и сжал ее, а потом опустил руку, заставив Раду взглянуть на него.

– Пожалуйста, не суди о моей стране по жестокости нескольких человек. И хотя есть только один Бог и лишь один Пророк, мир праху его, все взаимодействуют с ним по-разному. Существуют самые разные уровни веры и практики, как и во всех остальных сферах жизни. Но у тебя есть выбор.

– Я не вижу, чтобы мне оставили хоть какой-то выбор.

Кумал кивнул.

– Тебе так кажется. Но выбор у тебя есть всегда. Ты можешь найти успокоение и утешение в Боге. Ты можешь быть храбрым и сострадательным. Ты можешь научиться находить красоту и счастье везде, где они есть. – Он улыбнулся. – Но я думаю, ты это уже знаешь. Надеюсь, ты

не утратишь это свойство и пронесешь в себе через годы, потому что ты способен привнести в этот мир очень многое, Раду.

Девушка скользнула на подушку напротив Раду. Ее глаза сияли, а пухлые губы имели идеальную круглую форму. Ее одежда была такой же красивой, как она сама, а ее волосы покрывал яркий желтый шарф. Она робко улыбнулась ему и взяла кусочек хлеба.

– Мой брат читает тебе лекции?

Раду покачал головой, уставившись в свою тарелку.

– Нет.

– Отлично. Он так любит читать лекции. Я – Назира.

Кумал положил руку ей на плечо.

– Назира – моя самая младшая сестренка.

– И самая любимая.

– И самая любимая. – Кумал рассмеялся. Тут вернулся слуга и разложил на столе поджаренную дичь, овощи и охлаждающий соус. После трапезы Кумал пообещал отвести Раду обратно ко дворцу. Потом они с Назирой стали по очереди рассказывать забавные истории, и Раду смеялся с ними, чувствуя себя частью их компании.

Ощущая живущее в них тепло, Раду понял, насколько холодно в его сердце, но он сумел взять и припасти частичку этого тепла для грядущих дней, когда, он знал, оно ему очень понадобится.

13

Лада не знала, как долго еще сможет красть постельное белье. Раду жаловался, что с его кровати сняли все, оставив лишь одно одеяло. Ей приходилось сидеть и спиной подпирать дверь, чтобы не дать ему войти и обнаружить сворованные вещи, пока она разрывала постельное белье на удобные куски, пытаясь остановить поток.

В комнате было душно. Запах горячей одежды не выветривался весь месяц, а теперь кровь вернулась снова.

Когда няня сказала, что не стоит беспокоиться о замужестве до тех пор, пока у нее не начнутся месячные, она расслабилась. Пока однажды утром не проснулась вся в крови, в доме врага. Она жила в страхе, что однажды все раскроется. Всех слуг она отгоняла от двери своей комнаты то криком, то кулаками. Никто не должен был ничего узнать.

Но это был лишь вопрос времени. В двери, которая вела в ее комнату и в смежную крошечную комнатку Раду, не было замка.

Однако Лада никогда не плакала.

Раду думал, что его плач – его тайна, но каждую ночь она слышала его сквозь тонкую перегородку между их комнатами. Иногда она ненавидела его за то, что он плачет, а иногда за то, что не может к нему присоединиться.

Он выглядел счастливым лишь тогда, когда убегал на молитву, и это приводило Ладу в ярость. Она беспощадно пилила его за это, но он ее не слушал. Наконец, она обрекла себя на полное молчание. Если она перестанет обращать на это внимание, возможно, он прекратит молиться.

Дни проходили в изнуряющей череде уроков и *уроков*. Сегодня они смотрели, как разбойника с большой дороги подвесили на большой металлический крюк, воткнув его ему между ребрами. *Знали ли вы*, раздались в ее памяти напевные слова наставника по истории, *что в Османской империи почти нет преступлений? Наши дороги безопаснее, наши дома надежнее, чем в таких ничтожных и крошечных странах, как ваша. Наш народ любит своего султана.*

Лада знала, что в Тырговиште и в других городах ее страны много преступников. Но вместо этого она заявила, что, возможно, османская преданность была результатом того, что плотные тюрбаны на голове сдавливали мозг.

Когда вор завершил свой долгий, наполненный агонией процесс отхождения в мир иной, его тело сняли с крюка, чтобы отвезти на большую дорогу. Там к его телу собирались прибить табличку с перечислением всех его преступлений. У Лады заныли ноги. Она устала от таких уроков. Учиться было больше нечему. Султан контролировал все. Если ты противоречил султану, ты умирал. Люди повиновались не из любви, а потому, что наказание следовало незамедлительно, было суровым и публичным. Это было эффективное правосудие. Оно было даже достойно восхищения. Султан ни перед кем не унижался, ему не приходилось заигрывать и потакать капризам своих подчиненных, как часто делал ее отец.

Раду выглядел так, будто его вот-вот снова вырвет, поэтому Лада вытолкала его, вконец измученного, через коридоры на улицу. Она уже исследовала территорию дворца настолько, насколько это им позволялось. Они прошли мимо мечети, минареты которой тянулись вверх, стремясь пронзить небо. Ей бы хотелось, чтобы они *действительно* проделали в небе дыру и чтобы сквозь нее на весь этот город излился божий гнев. Тогда бы они увидели, чей бог настоящий.

А может, и нет. Она была не в Валахии, и бога, с которым она выросла, здесь не было. Возможно, небесный гнев османского бога обрушится на *нее*.

Они прошли через высокую стену, окружавшую пышный сад. Деревья приветственно склонили свои тяжелые зеленые ветви. Лада увидела фиговое дерево, сплошь покрытое спе-

лыми фруктами, до которых было никак не дотянуться. Ее желудок заурчал. Был Рамадан, и она с Раду вынуждены были соблюдать пост. Лада при любой возможности воровала пищу и прятала ее в тайные места, но большую часть времени ходила голодная от рассвета и до заката. В углу, где стена примыкала к невысокому зданию, росла древняя виноградная лоза. Лада взобралась по ней на стену.

– Пора возвращаться, – заныл Раду, озираясь по сторонам. Он тревожно потер ребра, представляя, как крюк пронзит его мышцы и органы. Со времени их приезда Раду похудел, и не только от поста. Его скулы сильно выпирали, отчего глаза казались еще больше.

– Отлично. Жди там. Один.

Он вскарабкался вслед за ней, от спешки едва не рухнув со стены. Они переползли на ветку, спустились вниз по дереву и спрыгнули на землю.

В саду пахло как-то особенно. Едкое благоухание зелени незаметно переходило в сладкий аромат какого-то цветка. Мечеть возвышалась над ними, будто наблюдая. Но извилистые тропинки, вдоль которых росли деревья и дикие изгороди, превращали садик в укромный уголок. Лада сорвала несколько плодов инжира, один из них протянула Раду. Он отказался, и она швырнула его ему в голову.

Впившись зубами в свой инжир, она провела пальцами по разросшимся восковым листьям нестриженной живой изгороди и представила, что она в Валахии.

Раду услышал это первым.

– Послушай, – прошептал он. – Кто-то плачет.

– И это не ты. Какое чудо!

Он посмотрел на нее и настороженно двинулся вперед. Недовольно фыркнув, Лада поспешила за ним. Как бы Раду ни боялся нарушить закон, он был глупцом, и из-за него их могли поймать. Она завернула за угол и схватила его за кафтан, останавливая. Мальчик лет двенадцати или тринадцати сидел у зеркальной глади бассейна и плакал.

– Тебе больно? – спросил Раду.

Мальчик поднял голову. Его темные глаза обрамляли такие густые ресницы, что они улавливали слезы и задерживали их. Его руки были покрыты ужасными бордовыми отметинами и синяками. На лице тоже виднелись следы наказания. На щеке красовался кровоподтек.

Раду снял свой кафтан и смочил его в бассейне. Он осторожно положил влажную ткань на руки мальчика, приглушая боль. Лада никогда не позволяла ему делать это для нее и уж точно никогда не делала этого для него.

Мальчик наблюдал за действиями Раду, выпрямив спину и наклонив лицо с длинным прямым носом. Его полные губы искривились от боли.

– Мой наставник, – сказал он. – Отец разрешил ему наказывать меня за непослушание.

Раду опустил руку в воду и приложил ладонь к щеке мальчика. Мальчик выглядел ошеломленным. Он смотрел на Ладу выжидательно и властно, как будто приглашая тоже о нем позаботиться. Она скрестила руки на груди и взглянула на него сверху вниз, сморщив свой крючковатый нос.

– Если ты слишком слаб, чтобы терпеть боль, и слишком глуп, чтобы ее избежать, значит, ты заслуживаешь еще большей боли.

Ноздри мальчика раздулись от ярости.

– Кто ты такая?

Лада прислонилась к дереву, сорвала еще один инжир и откусила так много и так неряшливо, как только могла.

– Я – Лада Драгвлиа, дочь Валахии.

– Вы должны соблюдать пост.

Она выплюнула сочную кожуру к его ногам и откусила еще.

Он задумчиво нахмурился.

– Я могу сделать так, что вас за это убьют.

Раду задрожал и съежился.

– О! Вставай, Раду. – Лада схватила его за рубаху и потянула вверх. – Он – глупый мальчишка. Если даже наставникам разрешено его бить, маловероятно, чтобы ему подчинился главный садовник. Скорее всего, он такой же избалованный узник, как и мы. – Она не испытывала к мальчику ни малейшей симпатии. Он напоминал ей ее саму, беспомощную и юную, и это жутко ее раздражало.

Мальчик встал и топнул ногой.

– Я не раб. Это мой город!

Лада презрительно фыркнула.

– А я – королева Византии! – она развернулась и потянула за собой Раду.

– Я вас еще увижу! – крикнул мальчик. Это был не вопрос, а распоряжение.

– Я спалю твой город дотла! – крикнула Лада через плечо. Услышав это, мальчик удивленно рассмеялся. Лада была поражена, заметив, что ее губы ответили первой за несколько недель улыбкой.

Лада яростно оттирала кровь от ночной сорочки.

Проклиная свою мать за то, что та родила ее девчонкой.

Проклиная своего отца за то, что он оставил ее здесь.

Проклиная свое тело за то, что оно делало ее такой уязвимой.

Она была так увлечена потоком проклятий, что не слышала, как отворилась дверь.

– Ох! – воскликнула служанка, хрупкая и подвижная, как птичка.

Лада в ужасе подняла на нее глаза. Свидетельство ее женской зрелости было зажато в ее руках, красные пятна как неоспоримое доказательство. Ее засекли. Она представила себя ползущей и рыдающей. Вот что такое быть женой. Вот что ей предстоит.

А теперь эта служанка, эта шпионка, узнала, что она достаточно взрослая, чтобы выйти замуж.

Лада с ревом набросилась на девушку и ударила ее по голове. Служанка упала на пол, закрываясь от пинков и громко крича. Лада не остановилась. Она била, пихала и кусала, выкрикивая непристойности на всех известных ей языках.

Ее пытались оттащить чьи-то руки, а знакомый голос отчаянно умолял прекратить, но она не останавливалась. Она не могла остановиться. Она лишилась последнего клочка своей свободы, и все из-за шпионских глаз служанки.

В конце концов два дворцовых стражника сумели ее оттащить. Раду смотрел на нее в ужасе, как маленький зверек, загнанный в свою норку. Лада не отвечала на его вопросы. Это не имело значения. Ничто больше не имело значения.

Лада ожидала наказания, поэтому приглашение присоединиться к женщинам за вечерней трапезой стало для нее неожиданностью. Лысый мужчина с узкими плечами сопровождал ее в секцию дворца, которую она еще ни разу не посещала.

Она вошла в изысканные покои. Увидев ее, две женщины встали. Одна из них была молодой, возможно, всего на несколько лет старше Лады. Ее волосы были украшены ярким синим шарфом, а нижнюю часть лица закрывала вуаль. Большие глаза сияли, в них играла улыбка.

Лада вздрогнула, когда женщина бросилась вперед, но та лишь взяла ее ладони в свои и сжала их.

Она говорила по-турецки.

– Ты, должно быть, Ладислава. Бедное дитя. Проходи, садись. Я – Халиме. А это Мара.

Лада позволила подвести себя к подушкам, разложенным вокруг стола, и стала рассматривать другую женщину. Она сидела с прямой спиной, затянутая в корсет, ее платье с четкой структурой контрастировало с текучими слоями шелка Халиме. Волосы второй женщины были темно-коричневые, аккуратно причесаны и завиты в стиле сербской знати.

– Зачем меня вызвали? – спросила Лада, настолько безучастным тоном, насколько позволяло ее смущение.

– Никто не знает, что с тобой делать, – холодно произнесла Мара и прищурилась. – Когда они поняли, за что ты избивала несчастную девочку, мужчины отказались обсуждать эту тему. Нас попросили поговорить с тобой о твоих женских выделениях.

– Ты поняла, что с тобой происходит? – Халиме наклонилась вперед, ее глаза сверкали сочувствием. – Ты, наверное, так перепугалась! Я знала, что у меня вот-вот начнутся месячные, и все равно при виде крови едва не потеряла сознание! А ты одна, и с тобой лишь твой брат. Тебе нужно встречаться с нами, позволить нам обучить тебя и помочь тебе, – она восторженно хлопнула в ладоши. – Будет весело!

Лада напряженно продолжала стоять на одном месте, у стола.

– Мне от вас ничего не нужно.

– О, но у тебя наверняка есть вопросы! Не бойся. Ты нас не смутишь. Мы ведь обе замужем.

– Именно этой участи я стараюсь избежать, – пробормотала Лада.

– Значит, ты глупая, – ответила Мара.

– О, Мара, будь добра! Она не понимает. Это так чудесно – быть женой! Мурад такой внимательный, и о нас заботятся лучше, чем мы могли надеяться. – В голосе Халиме не было ни намек на притворство. Ее слова были такими же честными, как и ее огромные, глупые глаза.

– Вы замужем за Мурадом? – спросила Лада, почувствовав горечь на языке.

– Мы обе, – счастливо улыбнулась Халиме. Лада в ужасе взглянула на Мару.

Улыбка Мары была как жестокая зима по сравнению с яркой весной Халиме.

– Да. Мы обе его жены, наряду с другими женами и многочисленными наложницами.

Лада с отвращением отшатнулась.

– Какая мерзость!

– Если мне не изменяет память, – заметила Мара, – у твоего отца есть еще сын, от любовницы.

Лада не ответила, но выражением своего лица подтвердила слова Мары. О другом Владе никогда не говорили, но Лада знала, что он существует.

Халиме пылко жестикулировала, как будто хотела выдернуть мысли из головы Лады и выровнять их, придав им более приятные формы.

– Так уж здесь заведено. Мужчинам дозволено иметь несколько жен, если они в состоянии их обеспечить. У султана есть традиция держать гарем. Мы все любимы и окружены заботой. Быть женой – огромная честь!

Мара глотнула чая из хрупкой чашечки, которая резко отличалась от всех, что Лада видела до сих пор. И вдруг заговорила на венгерском:

– Халиме – идиотка.

Халиме наклонила голову набок.

– Что?

Мара продолжила.

– Она – ребенок. Она считает себя принцессой из сказки. То, что Мурад из всего гарема выбрал ее в жены – самое большее, о чем могла мечтать такая девушка, как Халиме. И я не

знаю, придушить мне ее или делать все, что в моих силах, чтобы она продолжала витать в своих сверкающих фантазиях.

Заинтригованная откровенностью Мары, Лада ответила по-венгерски:

– А что насчет вас?

– Я здесь по той же причине, что и ты. Мой брак с Мурадом – гарантия перемирия с моим отцом и Сербией. Благодаря моему присутствию здесь Сербия остается свободной.

Лада усмехнулась.

– Но Сербия несвободна.

Мара приподняла бровь:

– А что, по-твоему, свобода?

– Право распоряжаться собой! Право не быть обязанной другой нации за свою безопасность.

– Каждая страна обязана своей безопасностью другим странам. На то и существуют договора и границы.

– Но это другое!

– Почему же?

– Вы! Вас не должны заставлять выходить замуж! Это нечестно.

Халиме предупредительно кашлянула, уголки ее губ сползли вниз.

– Может, нам стоит поговорить на языке, который понимают все? Чтобы никому не было обидно?

Мара продолжила говорить, не обращая на нее внимания.

– Гм-м... А что, как ты думаешь, произошло бы со мной, останься я в Сербии? Меня бы выдали замуж за другого мужчину, и тоже не спросив. Я презираю своего мужа и всю эту империю, но здесь, по крайней мере, я приношу какую-то пользу. Брак Халиме и Мурада принес ей безопасность и заботу. Благодаря моему браку с Мурадом вся Сербия получила безопасность и заботу. Да, это несправедливо. Но это куда важнее справедливости. Ты любишь Валахию?

Подозревая в вопросе подвох, Лада нахмурилась. Она знала, к чему это приведет, но отвечать нужно было честно:

– Да.

– А я люблю Сербию. Находясь в ссылке, я служу своей стране и своей семье. Нам всем следует делать все, что в наших силах, Ладислава. Таков был мой вклад.

Халиме очаровательно прокашлялась еще раз.

– А теперь мы готовы поговорить по-турецки? Я придумала, какой совет дать Ладиславе!

Лада с трудом заталкивала в себя еду, наблюдая за этими двумя разновидностями жен. Она никогда не станет такой, как Халиме – благодарной и наивной. Но может ли она стать такой, как Мара – смилившейся с судьбой, которую не выбирала, ради защиты своей страны?

Халиме продолжала восторженно щебетать, обсуждая сущие пустяки с такой сказочной радостью, что Лада почти поняла, почему Маре хотелось ее защитить. В этой беззаботности и глупости было нечто успокоительное. Лада наслаждалась язвительными, колкими комментариями Мары, часто отпускаемыми на языке, которого Халиме не понимала. Может быть, Лада попросит о встрече с ними снова. Будет приятно иметь возможность общаться с кем-то помимо Раду и ненавистных учителей.

Халиме была на середине длинющего рассказа:

– ...и Эмина, ты знаешь, моя любимая подруга, она вошла в гарем по своей воле! Это был почти скандал. Она ушла из семьи и пришла прямо сюда! Конечно, они были вынуждены ее принять, ведь семья не взяла бы ее обратно, так что...

– Что? – в замешательстве спросила Лада. – Просто потому, что она зашла в гарем?

– О да! Вот почему мы встретились с тобой здесь. Если ты войдешь в здание гарема, ты технически станешь собственностью султана! Так и должно быть, знаешь ли. Для защиты родословной.

Заметив выражение ужаса на лице Лады, Мара мрачно улыбнулась. Завершив трапезу, она чопорно промокнула салфеткой рот. И снова заговорила по-венгерски:

– Тебе полезно бывать с нами. Попробуй быть такой, как эта красавица-идиотка. Чем раньше ты прекратишь бороться, тем проще тебе будет жить. В этом твое предназначение.

Лада встала так резко, что едва не упала назад.

– Нет!

Отвернувшись, она избежала тяжелого и понимающего взгляда Мары, но еще долго ощущала на плечах его тяжесть.

14

Мужчина был толстым.

Тонкие бордовые линии сосудов расчерчивали его лицо, паутинкой обрамляли нос. Водянистые глаза, безвольный подбородок, вспухшие пальцы вокруг слишком плотно сидящих колец.

Он трясся от возраста, болезни или нервов. Лада тряслась от ярости.

Раду молча молился любому богу, который мог бы его услышать, о том, чтобы из-за нее их обоих не убили. Он понятия не имел, из-за чего она набросилась на эту несчастную служанку, но она привлекла к себе внимание официальных лиц, продемонстрировав, что она – проблема. Теперь они стояли в одном из роскошных залов суда во дворце. В одном этом помещении было больше шелка и золота, чем во всем замке Тырговиште. Рядом стояли разные сановники и о чем-то тихо переговаривались, ожидая своей очереди поговорить с Халил-пашой, ужасным человеком, заставившим Ладу и Раду впервые в жизни наблюдать посадку на кол. При других обстоятельствах Раду ухватился бы за эту возможность послушать и понаблюдать, но сейчас ему было дурно от страха, и он смотрел только на Ладу. Если бы только здесь был Кумал, если бы только он жил в столице! Раду знал, что он бы помог.

Но у них не было ни друзей, ни союзников. Не было помощи.

Лада не оглядывалась по сторонам. Она смотрела прямо на Халил-пашу, который завершал договор ее помолвки с сидящим рядом с ней османом.

– Твой отец будет доволен, – сказал Халил-паша, улыбнувшись Ладе тонкими губами. – Для рода Дракулешти это огромная честь – выйти замуж здесь.

Будущий шурина Раду выводил свою подпись. Перо царапало бумагу и покрывало ее чередой клякс и пятен, похожих на сосуды на его лице.

Лада заговорила спокойно и отчетливо, и в зале суда все смолкли от удивления. Никто не ожидал, что девочка заговорит. Возможно, ей это не позволялось. Но Раду знал, что Ладе все равно.

– В нашу первую брачную ночь, – сказала она, – я отрежу твой язык и проглочу его. Оба языка, которые произнесут нашу супружескую клятву, будут принадлежать мне, и я буду состоять в супружестве сама с собой. Скорее всего, ты захлебнешься собственной кровью и умрешь, что будет очень плачевно, но я буду одновременно и мужем, и женой, а не вдовой, требующей сочувствия.

Суженый Лады остановил перо, с него закапали чернила. Чернильное пятно стекло на мраморный пол. Халил-паша смотрел на нее, выпучив глаза, и его тонкогубая улыбка сменилась выражением настороженной задумчивости.

Раду неверной походкой направился к ним, отчаянно ища способ разрядить обстановку. Затем кто-то рассмеялся, нарушив тишину. Раду обернулся и с удивлением заметил рыдающего мальчика из сада, который стоял у двери рядом с тощим и длинным мужчиной в очках.

Раду искал этого мальчика взглядом каждый раз, когда они выходили на улицу или оказывались среди придворных. Но за последние два месяца, которые прошли с момента знакомства с ним, он ни разу его не встречал. Это не останавливало его, и он продолжал искать друга глазами.

Однако теперь надежды у Раду уже не осталось.

Мальчик прошептал что-то своему компаньону, и тот нахмурился за очками. Он проворчал что-то в ответ, но мальчик затряс головой, с радостным оживлением глядя на Ладу. Она холодно смотрела на него.

Раду думал, кого из них убьют первым – Ладу или его. Что будет хуже – смотреть, как казнят Ладу и ждать своей участи или... нет, вторым быть хуже. Он надеялся, что они убьют его первым. Возможно, это было неблагородно, но ведь это Лада во всем виновата.

Сухопарый мужчина направился к двум солдатам, на головах которых были коричневатые шапки цилиндрической формы, с длинными полями из белой материи, что указывало на их ранг янычар. Раду всегда внимательно присматривался к янычарам, надеясь обнаружить среди них Лазаря, но этот город определенно отказывал ему в друзьях. Затем мужчина и мальчик из сада развернулись и вышли из зала суда. Раду провожал их взглядом, пока они не скрылись из виду.

Суженый Лады напоминал одну из рыб, которых они держали в фонтанах вокруг замка Тырговиште. Он то открывал рот, то закрывал, то снова открывал. Он пожал плечами, глядя на Халил-пашу, и прочистил горло.

– Возможно, султан... возможно, другой договор... я никогда не стал бы оспаривать решение султана, но все же...

Он был взволнован, слегка рассержен, но, судя по лицам собравшихся в зале, никто не воспринял угрозу Лады всерьез.

Раду же знал, что она отвечает за каждое свое слово.

Рядом с ней появились солдаты.

– Она пойдет с нами.

Лада подняла на своего суженого спокойный взгляд. Он начал расплываться в пренебрежительной, самодовольной ухмылке – но сила ее взгляда остановила его улыбку на полпути, сделав его похожим на слабоумного. Его глаза расширились, и стало ясно, что до него дошло: она не шутит.

Он отступил.

Лада вышла из комнаты вслед за солдатами, даже не взглянув на Раду. Халил-паша проводил их взглядом, и что-то в его глазах подсказало Раду: он знал о происходящем больше, чем они. И был недоволен.

– Подождите! – побежал Раду, пытаясь их догнать. Он в мольбе протянул руки. – Пожалуйста, она не имела в виду ничего дурного. В Валахии существует такой обычай... чтобы будущие супруги... угрожали друг другу. Это проявление симпатии. Во время помолвки наших родителей мама сказала отцу, что вынет из него внутренности и станет носить их на шее вместо украшений.

Двое солдат уставились на Раду, поверив в неправдоподобную ложь, слетевшую с его уст. Лада с трудом подавила смешок. Как ей удавалось оставаться такой спокойной?

Прекрати, умолял он ее каждый вечер. Прекрати их злить. Не вынуждай их причинять нам боль. Это твоя ошибка. Из-за тебя нас убьют.

Наконец, она огрызнулась: *никто тебя не убьет.*

Но если они убьют тебя, я останусь один. И мне захочется умереть.

Ему совсем не хотелось умирать, но ему определенно не хотелось умирать вторым. Раду встретил взгляд сестры, напоминая ей о ее измене, причинявшей ему столько горя. Она не могла вести себя вежливо даже для того, чтобы спасти им жизнь.

Она заговорила на валашском языке, спокойно и не обращая внимания на свой вооруженный эскорт и на то, что ее, возможно, ждет верная смерть.

– Халил-паша – вот причина, по которой я здесь в заточении. Я не позволю ему забрать у меня остатки моей свободы. Я не считаю, что политический брак – моя судьба. Этот брак означает, что меня отбросят в сторону и забудут, а я лучше умру, чем соглашусь быть забытой.

– Я никогда этого не допущу, – сказал Раду, но он не знал, что имел в виду – что никогда не позволит ей умереть или что никогда не позволит ей стать забытой.

Ему бы хотелось иметь больше двух вариантов.

– У нас есть приказ отвести ее в южное крыло, – произнес один из янычар. – Можешь пойти с нами, если хочешь.

Раду посмотрел на солдат и одарил их улыбкой такой же лучезарной, как летнее солнышко. Он пошел рядом с ними, спросил, из какого они региона, вовлек их в беседу. Вскоре он уже знал, как их зовут, род их обязанностей и что они собирались съесть в тот день на ужин. Их руки ни разу не шелохнулись в сторону сабель, висевших у них на боку, а их болтовня оставалась легкой и дружелюбной. Раду делал это для того, чтобы они оставались спокойными и не спровоцировали сестру на совершение очередного глупого поступка.

Лада шла за ними и благодарно молчала.

Солдаты велели им дожидаться на позолоченной скамье возле массивных медных дверей. И ушли.

Раду опустил на скамью, облегченно протирая ладонями глаза.

– Если они оставляют нас здесь, значит, ты не умрешь.

– Как ты это делаешь?

– Делаю что?

– Заставляешь людей разговаривать с тобой. Это потому, что ты мальчик?

Раду знал, что она завидовала его способности добиваться расположения людей. Она выглядела резкой, непокорной и коварной. У нее было лицо лисицы, ворующей птицу из курятника. У Раду было личико ангела. Но ему стало больно от того, что она решила, что это трюк, хитрый прием. Любил ли его кто-нибудь по-настоящему, или она была права? Может быть, его лицо и язык лишь одурманивали людей, заставляя поверить в то, что он им нравится?

Раду раздраженно посмотрел на золоченый потолок.

– Люди отвечают на доброту, Лада. Они верят улыбке больше, чем обещанию, что ты заставишь их поперхнуться собственной кровью и умереть.

Лада фыркнула.

– Да, но мое обещание искреннее твоих улыбок.

Конечно, она была права. Прошла целая вечность с тех пор, как он улыбался искренне, а не отчаянно и лживо. Он вздохнул, стараясь не обижаться и не злить сестру.

– Но об этом никто не знает.

– Когда-нибудь об этом узнают, Раду. Когда-нибудь...

Они испуганно вздрогнули, когда дверь за их спинами открылась. В коридор вышел долговязый мужчина в мягкой коричневой одежде, непривычно аскетичной для двора. Даже его тюрбан выглядел скорее удобным, нежели нарядным. Он посмотрел на них пронзительным взглядом, увеличенным линзами очков. Раду еще никогда ничего подобного не видел. Фрагменты стекла были ровно отрезаны, идеально отполированы и балансировали на переносице мужчины благодаря тонкой полоске металла, которая соединяла оба фрагмента и прижимала их к лицу.

– Вы можете войти, – сказал он, указал на дверь и ушел.

Раду и Лада вошли. Эти апартаменты так же разительно отличались от их скудно обставленных комнат, как Эдирне отличалась от Тырговиште. Над головой парил потолок ярко-синего цвета с надписями золотым шрифтом, завивающимся по краям. В свисающих канделябрах свечи горели даже днем. Окна, в рост Раду и даже выше, сужались кверху и были забраны витыми металлическими решетками. Шелк синего, красного и фиолетового оттенков – цветов богатства – устилал все вокруг. Пол под ногами сверкал такой чистотой, что Раду видел в нем отражение своего лица. Посреди комнаты журчал фонтан, а вдоль стен стояли низкие скамьи с подушками. Рядом с фонтаном на одной из дюжины роскошных подушек восседал мальчик.

Он радостно захлопал в ладоши и встал.

– Вот вы и здесь!

– Где мы? – спросила Лада.

– В моих покоях!

– А кто ты такой, чтобы пользоваться таким уважением дьявола?

Раду ткнул ее локтем. Мальчик озорно улыбнулся.

– Я – сын самого дьявола. Мехмед Второй, сын Мурада.

– Матерь божья! – выдохнул Раду, схватился за живот и низко поклонился. Он надеялся увидеть этого мальчика снова, часто думал о нем с момента их встречи, представлял, как они подружатся. И вот это случилось. Лада угрожала ему, оскорбила его отца, и, несомненно, продолжит делать и то, и другое. Страх Раду сменился усталой покорностью. Лада его погубит, и эта смерть будет быстрой и скорой.

– Я велел привести вас сюда, – Мехмед пренебрежительно махнул рукой. Раду взглянул вперед из-под опущенных ресниц и увидел за этой залой еще одну огромную комнату и несколько дверей.

– Да, поздравляю, – сказала Лада. Она не двинулась с места с того самого момента, как узнала, что они находятся в покоях сына султана. Она стояла, широко расставив ноги, и в этой позе не было ни уважения, ни почтения. – Но *почему* мы здесь?

– Потому что я ненавижу Халил-пашу и своего кузена.

Лада раздраженно покачала головой.

– И кто же твой кузен?

Раду вздрогнул от ее тона и выпрямился. Не было никакого смысла продолжать кланяться, если Лада собиралась обречь их обоих на верную смерть.

– Кто? Твой суженый, кто же еще? Мужчина, язык которого ты собираешься отрезать и проглотить. – Мехмед откинулся на бархатную подушку, огромную, как лошадь, и расхохотался. – Я думал, он описается! Его так унизили! Да и кто – *девчонка!* Он – гадкий и подлый. Я еще никогда так не веселился, как сегодня.

– Я думал, Ладу накажут, – Раду с надеждой сделал шаг вперед.

Мехмед покачал головой и закинул ногу на другую подушку.

– Нет. Я потребовал, чтобы ее – и тебя тоже, полагаю, – привели ко мне. Меня отправляют обратно в Амасью управлять этим городом. Подозреваю, это делается скорее для того, чтобы убрать меня отсюда, потому что отец не может найти мне применения, а мой наставник, мулла Гюрани, – тот, что впустил вас сюда, – не ладит с Халил-пашой.

Лада нетерпеливо притоптывала. Раду ущипнул ее, но она резко убрала его руку.

Мехмед щелкнул пальцами.

– Ах, да! Почему вы здесь: я попросил, чтобы вы отправились со мной в Амасью в качестве моих компаньонов.

Лада села на подушку, ближайшую к двери, и вздохнула:

– Значит, меня все же *накажут*.

– Она не имела этого в виду! – Раду посмотрел на нее во все глаза, потом перевел взгляд на Мехмеда, стараясь не выдавать своей надежды, написанной у него на лице. Прочь отсюда! Прочь от учителей и главного садовника! С Мехмедом, с мальчиком из сада, который, возможно, в итоге станет его другом. Ему болезненно и страстно хотелось узнать Мехмеда поближе. Даже теперь, когда он уже знал, кто он такой.

Мехмед улыбнулся.

– По-моему, именно это она и имела в виду. Но я не возражаю. Твоя сестра кажется мне очень забавной.

Раду сел на подушку рядом с Мехмедом, выпрямил спину и сложил руки перед собой.

– В таком случае будь начеку. Она ненавидит забавлять.

Лада злобно и метко кинула подушку Раду в лицо. Мехмед наблюдал за ними с явным восторгом. Раду не знал, как относиться к этому новому развитию событий, но позволил окреп-

ноть взошедшему внутри ростку надежды. Он улыбнулся Мехмеду, на этот раз совершенно искренне.

15

Амасья, Османская империя

Новый город, новый наставник. Жизнь Лады, казалось, представляла собой нескончаемый парад занудных мужчин, вбивавших в ее голову разные сведения. Однако могло быть и хуже. Это мог бы быть бесконечный парад занудных женщин. Халиме, видевшая мир в радостных цветах, и нависшая над ней Мара, настаивавшая на том, что она смирилась со своей участью. Вышивание вместо истории, услужливость вместо языков. Но, по крайней мере, если бы она училась вышивке у Халиме, не было бы надобности вырезать ножом глаза муллы Гюрани.

Мулла Гюрани, безучастный учитель Мехмеда, либо не осознавал, либо не беспокоился о том, что большую часть времени Лада проводит либо в праздных мечтаниях, либо мысленно швыряя ему в лицо очки. Она подозревала, что если бы он об этом знал, выражение его лица не изменилось бы. Это был мужчина, начисто лишенный страстей. Он не бил Ладу за непослушание. К счастью, он и Раду не избивал за ее проступки. Облегчения она не испытывала: она знала, что им наверняка удастся найти иной способ сделать ей больно. Им это всегда удавалось.

Во время их первого урока, когда Раду лихорадочно старался не отставать, а Мехмед по памяти читал целые разделы Корана, Лада говорила только по-валашски. Мулла Гюрани взглянул на нее, бесстрастный за своими ненавистными очками, и сообщил ей, что его единственный долг – обучать Мехмеда.

И, добавил он равнодушным тоном, я не думаю, что женщины способны учиться. Все дело в форме их головы.

После этого Лада училась превосходно. Она выучивала наизусть больше разделов Корана, чем оба мальчика вместе взятые, и зачитывала их вслух, смешно копируя интонацию муллы Гюрани. Она решала все теоремы и практические задания по математике и алгебре. Она знала историю Османского государства и все поколения рода Мехмеда не хуже его самого. Мехмеду почти исполнилось тринадцать. Он был младше Лады, но старше Раду. Он был третьим сыном. Его родила наложница, а отец благоволил к двум старшим сыновьям, что обрекало Мехмеда на пересуды и стыд. Узнать об этом было тяжело, и Лада упорно работала над собой, чтобы не привязаться к Мехмеду или не начать его жалеть.

Большинство предметов были ей неинтересны, но вот сведения о прошлых битвах, исторических союзах и приграничных спорах она ловила на лету.

Какое-то время она боялась, что мулла Гюрани своим оскорблением хотел с помощью хитрости вовлечь ее в учебу, но он оставался таким же невозмутимым, как и прежде, не радовался ее внимательности, никогда не поддавался на ее издевки. Зато Мехмед очень огорчался каждый раз, когда она превосходила его в учебе. Для нее это превратилось в новую цель.

Каждый день она ждала, что ее начнут бить, что ее и Раду постигнут какие-нибудь новые ужасы, что откроется истинная причина, по которой их привезли в Амасью. Напряжение делало ее молчаливой и угрюмой. А Раду тем временем потихоньку набирал вес. Лада перестала слышать его плач по ночам. Она замечала, какой спокойной становится его жизнь, и ненавидела его за это. Это означало, что какой бы *урок* ни ждал их впереди, он будет гораздо хуже.

В конце концов, Мехмед был сыном Мурада. А не их другом. Он был тем, кто захватил их в плен и держал в неволе.

После основных предметов мулла Гюрани всегда разговаривал с Мехмедом о Пророке, о предназначении османцев, заключающемся в том, чтобы раз и навсегда свергнуть Византию и Константинополь. Лада мрачнела при упоминании о том, что таинственный бог, парящий над всеми, выбирает султана, чтобы распространить мусульманскую религию по всему миру.

Она такого бога никогда не видела, как и никаких доказательств его существования. Османцы были успешными потому, что были организованными, богатыми и потому, что их было *много*.

Почти каждый день после обеда, уставшая от учебы и вымотанная неотступной тревогой о том, какие новые испытания придумает для них султан, Лада уходила, оставляя Раду кивать, соглашаться и повторять все подряд, как щенок за своими хозяевами. Амасья была не похожа на Валахию, но она была ей ближе, чем Эдирне. Город стоял на каменистых холмах, у его подножия лениво извивалась полноводная зеленая река. Многие здания, в том числе крепость, в которой жили Лада и Раду, были высечены прямо в склоне горы. За крепостью, на холме, в одичалых садах росли яблони.

Лада забавлялась, лежа на спине и бросая кинжал вверх, пытаясь зацепить яблоко. Иногда ей это удавалось. Иногда нож падал обратно и едва не пронзал ее. Она одинаково радовалась и тому, и другому исходу. Сам факт, что ей снова было разрешено носить при себе кинжал, говорил о том, какой незаметной и незначительной она стала.

В Амасье даже самые свежие и хрустящие яблоки казались ей рыхлыми и горькими на вкус.

Именно в этом фруктовом саду она лежала однажды ранней осенью, когда свет вокруг стал таким низким и золотистым, таким густым, что она подумала, что сможет испробовать его на вкус. Он будет не таким, как яблоки в неволе. Он будет на вкус, как дом. Дом.

Лада подняла привязанный к шее мешочек, сняла его через голову и прижала к носу. Она убедила себя в том, что по-прежнему ощущает запах вечнозеленой веточки и цветка, которые от времени высохли, раскрошились и превратились в пыль. Она положила их в мешочек в ту ночь, когда они бежали из Валахии, и с тех пор всегда носила при себе.

Мимо прошли двое янычар, не заметив ее. Они шутили, и хотя говорили по-турецки, один из них сохранил валашский акцент. Лада встала, прошмыгнула от одного дерева к другому, следуя за солдатами к их баракам – скоплению приземистых каменных строений вокруг грязного двора. Там раздавался лязг ударяющихся друг о друга сабель и взрывы хохота. Лада наблюдала, выглянув из-за стены.

Ее грубо схватили за плечи и вытолкнули вперед на открытое пространство.

– Шпион! – выкрикнул сипловатый голос, в котором еще можно было расслышать звонкие ноты юности. – Или вор!

К ужасу Лады, не меньше дюжины янычар обернулись посмотреть, в чем дело. С выражением живейшего любопытства на лицах, они столпились полукругом.

– Это не шпион, – сказал низенький, с грудью как бочонок, мальчик со сросшимися в единую линию бровями. – Юный зилот держит ее в качестве наложницы.

– Не слишком она хорошенькая для шлюхи. – Солдат позади нее вытянул прядь ее волос. Она вывернулась, схватила его за запястье и закрутила его руку ему за спину, намереваясь положить на лопатки. Этому трюку она научилась под жестким попечительством Мирчи и довела до совершенства, практикуясь на Богдане и Раду. Солдат злобно выругался и попробовал ее оттолкнуть, но она скрутила его еще крепче и нажала на сустав. Он взвизгнул от боли.

– Ты красивее меня, – она надавила на его руку еще сильнее. – Может, предложишь себя в качестве шлюхи?

– Помогите! – выдохнул воин. Лада с вызовом подняла голову, стиснула зубы и увидела, что остальные янычары радостно ухмыляются. Солдат со сросшейся бровью, на вид не старше восемнадцати-девятнадцати лет, рассмеялся и вышел вперед, снисходительно похлопав по голове своего плененного товарища.

– Бедный Иван! Что, маленькая девочка над тобой издевается? – Он обхватил рукой шею Ивана. Лада отпустила его, и другой солдат скрутил Ивана, прижав к земле и усевшись ему на спину. Иван яростно брыкнулся, но тщетно.

– Ты уже знакома с Иваном. А я – Николае. И ты – из Валахии!

Лада кивнула, осознав, что именно в голосе Николае она уловила валашские нотки.

– Ладислава Драгвлия.

Произнося вслух свое имя, Лада ощутила боль. Им не позволяли писать отцу, и от него они писем не получали. Она не знала, известно ли ему, где они находятся и что они покинули Эдирне.

Она не знала, интересуется ли он это или нет.

Раду продолжал беспокоиться об их няне. Она потеряла сына, а теперь и работу в этой убогой империи. Лада не знала, удалось ли ей найти другую работу. Она надеялась, что удалось. Она была уверена, что отцу вряд ли придет в голову позаботиться о женщине, вырастившей его детей. Но она никогда не говорила этого Раду. Разговоры о няне не пошли бы ему на пользу.

Ладе не нравилось неприятное чувство, которое возникало у нее каждый раз при воспоминании о женщине, подарившей ей столько тепла и так редко слышавшей слова благодарности. Если она когда-нибудь вернется в Валахию, она это исправит.

– Дочь дракона? – рассмеялся Николае, но его смех звучал по-доброму и не был похож на насмешку. – Неудивительно, что Ивану с тобой не справиться. Что привело тебя сюда, маленький дракон?

– Точно не разврат, – она пнула расprostертого на земле Ивана.

– Я бы побоялся тащить дракона в свою постель. Наверное, маленький зилот тоже боится.

– Мулла Гюрани – твой зилот? А я-то думала, что он сделан из пергамента, а не из плоти.

Николае рассмеялся, качая головой.

– Нет, «юный зилот» – это наше прозвище Мехмеда. – Остальные солдаты закивали и обменялись кривыми усмешками.

Хотя она по своему опыту знала, что янычарам пристойное поведение не свойственно, она была удивлена услышать столь явную издевку над сыном их султана. Она усвоила это как информацию, которую однажды надеялась применить с пользой для себя.

– Я здесь с братом. Мы – компаньоны Мехмеда, учимся вместе с ним.

– Тогда вы, должно быть, помигаете со скуки. Идем. – Николае встал и потащил за собой Ивана. – Посмотришь, как я научу Ивана уважать студентов.

Бесконечно тянулся очередной скучный вечер. Лада выглянула в окно, надеясь ощутить ветерок, который бы охладил кожу. Теперь Мехмед редко общался с ней, разве только смотрел на нее, когда она превосходила его во время уроков. Она часто ловила на себе его сосредоточенный взгляд, как будто он хотел, чтобы она выполнила какое-то таинственное задание. Она всегда отвечала на его взгляд своим самым решительным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.